

A portrait of a woman with long dark hair, wearing a dark dress with white polka dots and a sheer tulle skirt. She is holding a bouquet of white daisies. The background is a painting of a forest on the left and a European city with a tall church spire on the right.

ДИАНА
МАШКОВА

|| НЕЖНОЕ
СОЛНЦЕ
ЭЛЬЗАСА



...Машкова выявляет те тонкости человеческих отношений, которые рельефнее всего выступают именно в профессиональной деятельности. Кстати, служебные романы – «любовь при исполнении» – добавляют ко всему этому особенную краску.

Писатель Юрий Поляков

Диана Владимировна Машкова

Нежное солнце Эльзаса

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=332212
Нежное солнце Эльзаса: Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-43152-6

Аннотация

Престижная должность в крупной российской компании, деньги, роскошная квартира. Всего этого, пройдя через нищету и унижения, Маргарита Рубина добилась в жизни сама. Теперь она – железная бизнес-леди, которой, по ее собственному мнению, нет дела до мелких человеческих слабостей: любви, привязанности, дружбы.

Но однажды непредсказуемая судьба все решает по-своему, подкинув суровой барышне романтическое путешествие, а заодно и обаятельного красавца-мужчину...

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	26
Глава 3	46
Глава 4	72
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Диана Машкова
Нежное солнце Эльзаса

Дорогой читатель Литрес,
от всего сердца благодарю
за выбор моей текстовой
книжки и надеюсь, что
моя прекрасная проведет
время вместе!

Желаю добра, счастья,
увлекательных историй
и радости каждой день.

Будьте любимы и любите,
пусть удача не покидает!

С любовью,

Ваша

А. Мамонтова

Часть первая

Отпуск

Глава 1

Самолет приступил к снижению. Я пристегнула ремень безопасности и прикинула к иллюминатору: обожаю смотреть на то, как расплывчатые пятна ландшафта далеко внизу превращаются в ровные квадраты полей, пушистые многоугольники лесов и красивые, неподдающиеся определению геометрические фигуры городов и деревень. Постепенно стали вырисовываться и серые змейки дорог, по которым ползли разноцветные букашки-машины. Приближались прямоугольники словно по линейке отмеренных участков земли, покрытых зеленым ковром: теперь уже можно было разглядеть на них во всех подробностях игрушечные, по-европейски аккуратные домики, беседки, бассейны. Сердце радостно и неприлично громко билось в предвкушении отдыха и свободы. Хорошо еще, за гулом моторов этого не слышно.

Тысячу лет не была уже в отпуске, не позволяла себе расслабиться. Жила в постоянном напряжении, работала по двадцать часов в сутки, каждую секунду ожидая подвоха или удара. А теперь наконец можно забыться и не вспоминать ни

о чем целых две недели! Да еще каких! Я давно мечтала попасть в Эльзас, но не на день-два по рабочим вопросам, как обычно, а приехать по-человечески, в отпуск. Чтобы ни дел, ни мыслей, ни забот. Чтобы только радость, удовольствия и восторги. И вот теперь до вожаденной мечты – рукой подать. Немудрено, что внутри все переворачивалось с ног на голову, а душа – или что там от нее осталось – пустилась в пляс от избытка чувств!

Видимо, на лице моем так явственно читалось блаженство, безудержное и по-детски наивное, что пожилой мужчина, сидевший в соседнем кресле, вонзился в меня мутным от хорошей порции коньяка взглядом и стал беззастенчиво скалиться мне прямо в лицо. Даже подался всем телом вперед, вероятно, чтобы у меня не оставалось сомнений в том, что его поощрительная улыбка адресована только мне. Видимо, окутанный спиртными парами и обманутый счастливым выражением моих глаз дедушка не разглядел, что имеет дело не с юной девой, а с вполне сформировавшейся грозной теткой. Инстинкт самосохранения у меня сработал автоматически: я изобразила на лице привычную суровую неприступность, щедро приправленную презрительным взглядом, и теснее прижалась к иллюминатору. Правда,хватило меня ненадолго. Как только краем глаза я заметила, что сосед со вздохом сожаления вернулся в исходную позицию – удобнее примостив свои костлявые чресла в кресле, продолжил разглядывать бортпроводниц, – улыбка снова завладела мыш-

цами моего лица. И остаток пути, хотя поза, учитывая пристегнутый ремень, была чертовски неудобной, я старательно демонстрировала соседу затылок. А то ведь не дай бог! Придется потом дедушку из кресла выскребать: терпеть с его стороны какие бы то ни было глупости я была абсолютно не настроена.

Посадочная полоса разлеглась внизу широкой, тщательно разглаженной лентой. Самолет аккуратно, пробуя землю, коснулся ее колесами шасси, а потом уверенно сел и покатил вперед. Пассажиры с энтузиазмом захлопали в ладоши, я гордо улыбалась: очень приятно, когда любимую авиакомпанию – уже десять лет летаю только ее рейсами – могут по достоинству оценить и другие!

Пока самолет заруливал на стоянку, я сосредоточилась на том, чтобы перед выходом облачиться в серьезность и официоз. Бизнес-леди, пусть даже и на отдыхе, должна выглядеть соответственно. Во-первых, имидж, а во-вторых, ну не нужны мне никакие мерзкие притязания со стороны сильного пола – только на отдыхе подобной ереси не хватало. Тем более что последние лет пять мужиков себе выбираю я. И уж никак не наоборот. Да и, если говорить начистоту, какая в современных мужчинах «сила»?! Так, рудимент мировоззрений прошлого века. Да и то зачастую создаваемый нашими же руками, точнее языком – слишком много и часто нужные нам мужчины слышат от нас похвалы. Только этим, кажется, и живут. Я хмыкнула по поводу двусмысленности

фразы про руки с языком и вспомнила Маяковского: «Я в Париже, живу как денди, женщин имею до ста. Мой член как сюжет в легенде переходит из уст в уста». Отчего-то мне еще в студенчестве очень нравился этот стих, безбашенный и жизнеутверждающий, а на месте лирического героя я всегда видела мужчину-себя. Сложно объяснить детали, но перед глазами неизменно ярко вставал образ меня самой, как если б я была мужчиной. Вот так. Бред, конечно. Но почему бы иногда не включить воображение и не развернуть, хотя бы мысленно, жизнь свою на сто восемьдесят градусов?

Я тяжело вздохнула, достала косметичку, обмакнула широкую кисточку в пудру и придирчиво осмотрела свое лицо в зеркале. Ладно, пока еще я и как женщина вполне ничего, несмотря на тридцать семь лет. Хотя надоело внешне оставаться теткой, давно уже внутренне перестроившись по мужскому типу. Честное слово!

Я сузила глаза, поджала губы и недовольно сдвинула брови. Получилось сурово – то, что надо. Только вот зрачки предательски светились изнутри неуместно ласкающим и восторженным светом. Так не пойдет. Я выпутала из волос дорогие солнечные очки, водрузила их на нос и провела расческой по волосам. Нужный эффект наконец достигнут: красиво, строго и недостижимо. В самый раз.

Как и подобает прилежному сотруднику, на которого неожиданно-негаданно свалился визит очень большой начальницы, Егор – наш менеджер по Европе – стоял у самого вы-

хода из зоны получения багажа и интенсивно изображал на лице счастливую улыбку. С одной стороны, было забавно видеть, как человек старается, с другой – подумалось, что лучше бы он почаще употреблял свое драгоценное обаяние на клиентов. Глядишь, не провалил бы последние переговоры с «Гранд Домом». Я еще плотнее сжала губы и раздраженно повела плечом.

– Добрый день, Маргарита Семеновна! Как долетели? – сплошное подобострастие. Я поморщилась. Но радость играет талантливо, хотя и ежу ведь ясно, что нет ничего ужаснее приезда руководства в отпуск на твою территорию. Таскай его тут по местным достопримечательностям, устраивай экскурсии, развлекай. Забудь о собственных делах и личной жизни. А он – скотина такая – всю будет пользоваться моментом, чтобы учить тебя работать и как следует промывать мозги.

Все это я знала как «дважды два – четыре»: сама пятнадцать лет пашу на нашу компанию. Как только и кем не приходилось за эти годы притворяться. Так что подчиненному моему оставалось лишь расслабиться. И заранее смириться с тем, что «промывание мозгов» заведомо включено в программу моего нынешнего пребывания здесь. Особенно в свете недавних событий, за которые мне, кстати, в очередной раз перед всеми было стыдно. Несколько лет уже бьемся за чертов «Гранд Дом», а все без толку. И мнение моего сотрудника – шута горохового – на данный счет меня совершенно

не волнуется. Он свое получит.

– Замечательно, – холодной, как лед, интонацией я остудила его хорошее настроение. Было бы гораздо приятнее, если бы этот скоморох прекратил наконец так активно скалиться и удосужился изобразить нейтральное – а еще лучше виноватое – выражение лица.

– Какие у вас на сегодня планы? – по-моему, я даже перегнула палку – теперь ему не терпелось от меня избавиться. Хотя в этом не юлит!

– Возьму в отеле карту и поброжу по городу, – выдала я заранее обдуманый ответ и наманикюренным ноготком поправила на носу очки. – А вот вам не нужно тратить на это свое драгоценное время. Займитесь рабочими делами.

– Но сегодня же суббота! – в голосе Егора неосторожно прозвучала плохо скрытая обида. Вот наглец – после всего, что натворил, еще смеет помнить о выходных! Я готова была удушить его. А он почти спокойно, только руки едва заметно дрожали, порылся в карманах, достал ключи от служебного автомобиля и выпалил на одном дыхании: – Мне было бы приятно показать вам Страсбург.

– Как вам будет угодно! – я уже практически шипела от возмущения, кажется, даже скрипнула зубами. Он несколько пристыженно, но продолжал мне улыбаться. Я демонстративно смирив его презрительным взглядом, развернулась на каблуках и направилась к машине.

Откровенно говоря, тайком я все-таки вздохнула с облег-

чением. Само собой, терпеть не могу доморощенных гидов, но и ходить по незнакомому городу в гордом одиночестве не привыкла: двенадцать лет начальствования сильно избаловали меня в этом отношении. Мы сели в машину, и серый «Ситроен» плавно выехал с подземной стоянки аэропорта.

Провести отпуск в Эльзасе – сказочной стране древних замков, старинных деревушек, бескрайних виноградников и повсеместных винных погребков – я запланировала уже давным-давно. Только вот никак не удавалось вырваться с работы. Все предыдущие посещения Лотарингии были короткими, быстрыми и суетливыми: ничего не поделаешь, командировки. Я только и успевала, что высовываться в окно несущейся на бешеной скорости машины и восхищенно раскрыть рот, рассматривая пролетающие мимо пейзажи. Страстно хотелось хлопнуть Егора по плечу со всей силы так, чтобы он опомнился и перестал жать на педаль газа как одержимый. Но умом я понимала, что времени действительно нет и посетить за полтора дня десять торговых точек в разных концах области не так-то просто. Поэтому каждый раз тяжело вздыхала и откладывала осмотр достопримечательностей на потом. И вот наконец сбылось.

Вообще-то ездить по командировкам в связи с экспортной специализацией нашей компании мне приходится много – по крайней мере, всю Западную Европу я уже исколесила вдоль и поперек. Бог его знает почему, но из всех увиденных стран, городов и областей влюбилась я только в Эльзас.

Компания «РусводК», в которой я сделала действительно незаурядную карьеру, занимается производством и экспортом водки за рубеж. Так было и до того, как я в нее пришла, так есть и так, я уверена, будет. Только до меня почему-то никому не приходила в голову наглая мысль рвануть на рынок Европы и прочих прогрессивных стран вроде Америки, Канады, Австралии: все больше окучивали бывшие союзные республики. Мелко. Ну да неважно – главное, с продуктом люди безошибочно угадали. Кажется, ни один бизнес, кроме разве что нефтяного, не способен приносить при грамотном подходе такую безумную прибыль. Конечно, при условии, что тебя поддерживает государство. А как не поддержать, когда компания знает механизмы «обратной связи» и является к тому же отечественным производителем, работающим на экспорт? Да сам бог велел! Именно водка – как ни крути – единственный непотопляемый русский бренд. Все, что в стране умели делать раньше – самолеты, ракеты, – кануло в Лету. Только сейчас вот начинают постепенно выползать из производственного коллапса. И то пока еще с неизвестным результатом. А с ликеро-водочной продукцией провалов, как ни странно, не наблюдалось. Даже во времена горбачевского сухого закона производство не прекращали – трудились на зарубежные страны. В России водка основа основ, черт бы ее побрал! Но тут уж ничего не попишешь: предложи любому человеку двадцать сортов разной водки, и он выберет известную ему марку, но обязательно произведенную

в России. Иначе это уже не нормальный человек. А то, что он выберет, – не водка. На том и стоим.

Тем более что за двадцать лет работы компании наша марка стала известна во всем мире. Конечно, мы не такие волшебные и пафосные, как «Кауффман», но и у нас дела идут неплохо. Постоянный контроль на заводе, собственные лаборатории и дегустаторы, умение работать с властями, хорошие дистрибьюторы, грамотный маркетинг. Все это и формирует успешный продукт «РусводКи». Пять востребованных сортов водки, рассчитанные на покупателей с разным достатком, – на мой взгляд, неплохо.

Егор притормозил у гостиницы «Софитель» в центре Страсбурга – привыкла я к этому отелю за четыре года, да и не люблю, если честно, ничего менять. Как говорится, от добра добра не ищут. Помню, в самом начале, когда мы только выходили на рынок Франции, а я только взяла на работу Егора, он объездил с десятков отелей в городе, выбирая подходящий для меня вариант. Понятно же было, что первое время я буду постоянно мотаться сюда в командировки. И, нужно сказать, с выбором менеджер мой не прогадал. «Софитель» при всей своей простоте не лишен спокойного лоска и изыска.

Не успел Егор выключить зажигание, как к машине уже подбежал служитель отеля в униформе с тележкой-стойкой для багажа, дно которой было обито зеленым бархатом. Молодой человек оказался даже чересчур расторопным – не

разобравшись, попытался завладеть ключами от машины, чтобы припарковать ее на подземной стоянке. Подумал, видимо, что мы заселяемся вдвоем. Я неожиданно для себя смутилась из-за этого недоразумения и поспешила отвернуться, а Егор ласково объяснил человеку, что к чему. Тот рассыпался в извинениях и, раздосадованный собственной ошибкой, сосредоточился на моих чемоданах. На стойке ресепшен нас встретили две улыбчивые девушки – спросили фамилию, на которую забронирован номер, моментально отыскивали бронь в компьютере и еще быстрее выдали мне ключ-карточку. Все. Я даже не поняла, кто из них и в какой момент успел заполнить гостевой бланк, протянули мне его с улыбкой только для подписи. На все вопросы отвечал Егор: мой французский после долгой московской спячки окончательно еще не проснулся и нуждался в некоторой слуховой подпитке. Про себя я отметила, что говорит мой сотрудник теперь правильно и абсолютно свободно – кажется, даже лучше меня. Совсем не так, как четыре года назад, когда я принимала его на работу.

Вообще, по поводу Егора у меня в свое время были серьезные сомнения. Помню, ко мне на собеседование пришел расхлябанный молодой человек с внешностью свободного художника: легкая небритость, вокруг шеи намотан длинный вязанный шарф, речь не слишком внятная, французский тоже ни к черту. На первый взгляд для такой ответственной работы, как менеджер «РусводКи» в Европе, Егор не подходил –

даже одеться подобающим образом ради встречи с потенциальным руководителем не дал себе труда. С другой стороны – он мне просто понравился, и все тут. И это несмотря на сквозящие в нем мягкость и где-то легкомысленность, смешной для нужной должности возраст – двадцать шесть лет – и полное отсутствие опыта. Хотя мне-то тоже было двадцать шесть, когда меня назначили руководителем проекта, и у меня тоже совсем не было необходимых навыков. В общем, я решила рискнуть и взять Егора. Сроки поджимали – Францию, а заодно и соседние европейские страны, в тот момент нельзя было оставить без контроля; меньше всего улыбалось мне вести эту сложную для водочного рынка область вслепую.

Имелись у меня и другие кандидаты. И, наверное, у них было больше достоинств: кое-какой опыт, знание языка. Но основной – один на всех – недостаток разочаровывал меня слишком сильно: все они, как один, рассчитывали уехать на ПМЖ в Европу за счет «РусводКи». Остальное их в принципе не интересовало. А вот Егору было все равно, где жить, – ему не промывали мозги ни томно вздыхающие по Франции жены, ни дети, по той простой причине, что их попросту не существовало. Зато у него загорелись глаза, когда я заговорила о том, чем мы будем заниматься: работой с зарубежными дистрибьюторами, подготовкой рекламных материалов, различными формами контроля, включая «mystery shopping» в точках продаж и ресторанах, обучением и тре-

нингами персонала. Конечно, всему этому менеджера предстояло обучить, но в компании давно была разработана грамотная подготовительная программа, рассчитанная на два месяца. Так что все равно любому пришлось бы начинать с нуля. Заодно будет время подтянуть французский.

Не давала покоя мне и еще одна навязчивая идея – подписать контракт с легендарной ритейловой компанией, у которой были грандиозные торговые дома по всей Европе. «Гранд Дом» занимался исключительно алкоголем и был знаменателем успеха на этом рынке, при том что там принципиально не работали ни с одним дистрибьютором – только непосредственно с производителями. Но к ним на кривой кобыле не подъехать. Требовался очень мягкий, деликатный подход, человек, который для начала был бы способен к себе расположить. Наладить контакт. А уж потом проникнуть в их философию, психологию бизнеса и помочь «РусводКе» в формировании грамотного предложения. «Гранд Дом» существовал на рынке алкоголя уже бог знает сколько лет и ни разу не прогорел. Тут было чему поучиться. Егор показался мне подходящей кандидатурой на роль трепетного ученика и преданного разведчика.

Обнаружились у него и другие серьезные преимущества – зарплату он согласился получать вдвое меньше той, какую наша компания в реальности готова была платить. А я, как руководитель, да еще и департамента продаж, до сих пор не могу абстрагироваться в интересах компании от принципа:

«Сэкономленные деньги – заработанные деньги». Так что на работу я его, на свою голову, взяла. Потом, как водится, был повод и пожалеть, и порадоваться этому факту. Но что есть – то есть. Сделанного не воротишь.

– Номер на пятом этаже устраивает? – Егор смотрел на меня чуть удивленно. Видимо, я совсем забылась в воспоминаниях и не расслышала его вопроса с первого раза. – Если нет – можно поменять.

– Мне все равно. – Уши у меня стали горячими. Кажется, я неожиданно для себя покраснела – чертовски неудобно было предстать перед собственным сотрудником в настолько естественном виде, погруженной в глубокую задумчивость. Тем более что думала-то я о нем.

– Тогда оставляем. – Он ободряюще дотронулся до моей руки, почувствовав, наверное, мое внутреннее смятение и по-своему его истолковав. Черт возьми, какие они тут непосредственные, в этой Европе! – Вы же теперь не на один день – нужно, чтобы было удобно. А на пятом номера значительно лучше – я проверял.

– Как? – я отдернула руку. Вопрос был задан, только чтобы избавиться от неловкости и что-нибудь сказать. Запястье неприятно жгло.

– Специально заезжал заранее, смотрел разные планировки.

– А-а-а. – Я на всякий случай демонстративно отодвинулась подальше от стойки и заодно от Егора. – Вам не нужно

было так беспокоиться.

– Мне это приятно. – Он снова изобразил известную в среде наших менеджеров «искреннюю улыбку», которой всех в обязательном порядке учат на психологических тренингах, а я посмотрела на него с досадой – на мне-то уж мог бы не отрабатывать приемы благорасположения, которые были мне известны до мозга костей.

Через час мы уже шли по Страсбургу, петляя по крохотным, сияющим европейской чистотой и притягательностью улочкам, к площади Кафедрального собора. Егор на ходу, довольно путано, но старательно – видно, подготовился специально – излагал историю города. Как в двенадцатом году до нашей эры римляне построили здесь укрепленный город Аргенторатум (как только язык не сломал!), как в 496-м уже нашей эры его переименовали в Стратебургум – город дорог. Потом, в девятнадцатом веке, он стал столицей Имперской земли Эльзас-Лотарингия, а в 1992 году было принято решение разместить в Страсбурге резиденции Европейского парламента. То есть, по существу, придать городу статус столицы Европы. Собственно, и мы, вслед за Евросоюзом, решили сделать Страсбург своей торговой столицей. Удобно. Действительно, «город дорог».

Слушала я Егора вполуха: красота древних фахверковых построек, утопающих в буйном цветении, старинные каменные мостовые, приветливо улыбающиеся окна разноцветных домов – все походило на сказку или несбыточный сон. Сол-

нышко ласкало бархатным теплом, и я то и дело подставляла его лучам уставшее от тяжелого московского воздуха лицо. На губах блуждала непрощеная улыбка. Я уже отдыхала и телом, и душой.

И вдруг совершенно произвольно я остановилась как вкопанная, раскрыв от восхищения рот, – в просвете между трех-четырёхэтажными старинными домами, словно из-под земли, вырос громадный готический собор. Егор врезался в меня – так неожиданно вросла я в землю – и поспешно отпрянул. Кажется, я на него даже не посмотрела. Стояла я не шелохнувшись минуты две. А потом, как зомби, двинулась по узкой улице, мощенной булыжником, к страсбургскому Нотр-Даму. Неземной красоты статуи, каменные кружева, чудесные узоры затейливыми рунами покрывали фасад собора. Глаза могли блуждать по этому великолепию бесконечно. Я, не отдавая себе отчета в собственных действиях, шаг за шагом подходила все ближе. Постепенно на стенах стали угадываться вполне определенные картины: сцены жизни Христа и картины Страшного суда, фигуры Добродетелей, пронзающих Пороки копьями, статуя Искусителя, окруженного юными девами. Кажется, в каком-то путеводителе я обо всем этом читала, но не думала, что выглядит... вот так! К восторгу примешалось произвольное чувство обиды: ни дня, ни даже года не хватит на то, чтобы в подробностях рассмотреть каждую скульптуру, прощупать взглядом каждый завиток.

– Сколько же его строили? – прошептала я словно во сне.

– С 1176-го по 1439-й, – услужливо подсказал Егор, непонятно каким образом расслышавший мои слова. – Три с половиной века.

Боже мой! Неужели возможны такая гармония и такое величие в делах человека? Ведь не одно же поколение похоронено под тяжестью камней, из которых сложены стены собора, а он весь, целиком, смотрится так, будто его создавало одно-единственное гениальное воображение и одни же руки. Из горла сам собой вырвался сдавленный вздох. Я испуганно скосила глаза и взглянула на Егора в надежде, что он ничего не заметил. Какое там! Он стоял и с раскрытым ртом смотрел на меня с таким же удивлением, с каким я рассматривала собор. Черт! Только этого еще не хватало. Не сказав ни слова, я отвернулась и поспешно направилась внутрь храма. Я не оборачивалась – спиной ощущала, как Егор идет за мной и буравит взглядом.

Внутри собор был так же божественно красив. Расписанные стены, украшенные статуями колонны, тихая прохлада, древний запах ладана и влаги. Я медленно прошла по кругу, с осторожным любопытством разглядывая каждую колонну, каждый витраж, каждую часовню. Надолго остановилась перед ажурной, из камня, кафедрой, которая состояла из затейливых воздушных узоров и статуй святых. Мне даже показалась кощунственной мысль о том, что подобное великолепие можно попирать ногами человека – пусть даже проповедни-

ка, — настолько неземным и божественным выглядел этот шедевр пламенеющей готики. Перед астрономическими часами я застыла, уподобившись десятку-другому людей, стоявших в напряженно-внимательных позах. Я простояла минут десять, как и все, ожидая неизвестно чего. Но часы вдруг ожили — послышался бой, задвигались бесчисленные фигуры, щедро украшавшие корпус огромного механизма, и перед моими глазами прошли, сменяя друг друга, куклы, изображавшие разные возрастные периоды человеческой жизни. Последней, звеня железными костями, перед зрителями появилась и застыла Смерть. Стало немного не по себе. Я отошла от часов подальше, опустила на одну из длинных деревянных скамеек и прикрыла глаза. Вместе с запахом ладана и древних стен в сердце проникало ощущение вечности, приносящее мерную радость и душевный покой. Так хотелось ухватить это чувство, поймать, чтобы сохранить внутри! Пропали мысли, заботы, потеряла значение повседневная суета, заснуло вечное мое стремление забраться на вершину, утолить жажду собственных амбиций. Как же хорошо мне стало без всего этого! Только теперь, наверное, впервые в жизни я ощутила радость свободы, легкость парящей в восхищении души. Впервые за тридцать семь лет! Сложно поверить. Невероятно хотелось поделиться с кем-нибудь своим открытием, но я была одинока до боли — мир плавно проплывал мимо, не замечая меня. Я тяжело вздохнула, тихо встала и направилась к выходу.

– Вам понравилось? – я даже вздрогнула от неожиданности – успела забыть, что пришла сюда не одна. Егор тактично не пошел вслед за мной в собор. Остался ждать у входа.

– Невероятно. – Эмоции не желали покидать меня – было сложно вырваться из их плена и заговорить. Внутри словно что-то перевернулось.

– Я сначала тоже обомлел. – Егор, видимо, обрадовался возможности подчеркнуть наше сходство. Эти его слова окончательно вернули меня к действительности. Вот ведь какой: начитался умных книжек по психологии продаж и зачем-то тренируется на мне. Стало грустно. – А потом приходил сюда каждый вечер целый месяц – никак не мог налюбоваться.

– Егор, оставьте при себе свои уловки, – я раздраженно повела плечом. – Мы с вами учились по одним учебникам – не забываетесь.

– Маргарита Семеновна, вы о чем?! – то ли я от собственных эмоций чувство реальности потеряла, то ли Егор совершенно искренне был обижен моим «наездом».

– Я – о психологическом приеме «отражения»! – почему-то я разозлилась. И, что странно и совсем мне не свойственно, на этот раз на себя. – Хотите расположить к себе собеседника, демонстрируйте общие с ним черты или интересы. Ведь так?

– Нет. – Егор смотрел на меня широко раскрытыми глазами. – Не так. – Он отвернулся от меня с таким видом, словно

едва удержался, чтобы не сказать: «Маргарита Семеновна, у вас на почве работы подозрительность превратилась в паранойю».

– Ладно, – я примирительно дотронулась до его локтя. Зря, конечно, опустилась до панибратства, но ничего не могла с собой поделать: душа после посещения собора ныла и наполнялась неизлечимой сладостной болью. – Давайте поговорим об этом за ужином. Я вас приглашаю.

Не знаю, как эти слова могли сорваться с моих губ, но только руководил ими явно не разум. С одной стороны, стало досадно, что тщательно оберегаемый имидж великой начальницы так вот взял и рассыпался за одну секунду в прах, с другой – я физически истосковалась по живому общению с людьми. Что ж теперь, и в отпуске себе в нем отказывать и тащиться в ресторан одной? Тем более я и мест-то здесь достойных не знаю: все деловые ужины-обеды во время командировок организовывал Егор. А на другие просто времени не хватало.

– С удовольствием! – он ни секунды не колебался. На губах его расцвела самая профессиональная «искренняя улыбка». Господи, ну хватит уже кривляться передо мной! Все ведь человеку прямым текстом объяснили. А может, это выражение лица и сияние глаз у него настоящие? Кто ж его знает?

Глава 2

Мы еще погуляли, пока не начало темнеть и город не окунулся в пряный южный вечер, какие бывают у нас только на юге. Разве что моря поблизости где-нибудь не хватало, но маленькая речушка Иль, на которой построен Страсбург, старательно компенсировала этот недостаток дуновениями слабого влажного ветерка. В темноте мы пробирались через переулки – шли то ли в бар, то ли в кафе по выбору Егора. Сначала он колебался, не зная, куда меня вести, но потом твердо заявил, что, если уж мы в Страсбурге, надо плюнуть на московский снобизм и идти в традиционную эльзасскую забегаловку – пить свежее пиво и пробовать местную кухню. А не извращенные до неузнаваемости блюда, что подают туристам в местах их обычных скоплений. Только то, что устраивает самих жителей Эльзаса! Я не возражала, хотя и смутилась немного, услышав заявление о том, что «это заведение для студентов» и еще «там не очень тихо». Понятно, что Егор в свои двадцать с копейками – или сколько там ему? – мог еще сойти за пятикурсника или аспиранта. А я-то куда? Но, с другой стороны, черт возьми, почему бы не окунуться с головой в чужую молодость, если своя уже бесследно прошла?!

В баре и вправду оказалось очень людно, шумно и накурено. Круглые деревянные столы и такие же стулья были на-

ставлены с такой плотностью, что перемещаться здесь было почти невозможно. За юрким официантом мы продвигались гуськом, усердно оттаптывая бедным «студентам», порой весьма преклонного возраста, ноги и бормоча без перерыва: «Pardon», «Eqsquisez-moi, si'l vous plait». Нас с улыбками извиняли.

– Егор, – мне приходилось говорить громко, чтобы перекричать общий радостный гул, – это что за ужас?!

– Рита, это лучшее заведение в Страсбурге! Его только местные знают!

Я словно онемела. И начала как рыба, вытащенная из воды, хватать ртом воздух. Как он посмел назвать меня по имени?! Я практически захлебнулась в собственном праведном гневе и приготовилась выдать возмущенную тираду про «Юпитеров и ослов», но тут же поняла, что орать придется слишком громко. К тому же по-русски. А мне ничуть не хотелось привлекать к себе чье-то внимание. Напротив, лучше всего сейчас было слиться с этим счастливо гудящим французским ульем и в нем раствориться. Сдержав в себе порыв прибегнуть к ненормативной русской лексике, я недовольно хмыкнула, окинула Егора презрительным взглядом – пусть толкует его как хочет – и отвернулась, сделав отстраненное лицо. Будто бы не услышала, как он меня назвал. Что ж, сама виновата – не нужно было переводить служебные отношения в совместное шатание по барам. Выпить и поговорить ей, видите ли, не с кем!

Дальше – больше. По мере совместного обсуждения меня я из начальницы превращалась в смущенную гостью, а Егор становился хозяином и плавал в окружающей непривычной мне обстановке как рыба в воде. Хотя, если копнуть поглубже, почему же непривычной? Стоит вспомнить студенческую молодость, бесконечные вечеринки в общежитии МГУ, какие-то дни рождения, пикники на Воробьевых горах, походы, и сразу станет понятно, что в такую атмосферу мне случалось попадать довольно часто. Просто забылось все давным-давно. Я вдруг поймала себя на мысли, что не живу по-настоящему уже много-много лет. Не различаю красок, не дышу полной грудью, не испытываю чувств. Единственным проблеском во всей моей жизни только и было студенчество – до университета я существовала в окружении сплошных проблем, а после все силы и эмоции отдавались карьере. Вечное мысленное напряжение в поисках верной стратегии, борьба за сферу влияния, интриги. Не говоря уж о том, что работы всегда было невпроворот. И чем крупнее становилась компания, чем больше менеджеров я вынуждена была брать на работу, тем глубже затягивала меня эта бизнес-трясина. Ни одной свободной минуты. Постоянно в напряжении, на грани нервного срыва оттого, что надо и невозможно все успеть. Работа. Работа! Работа!!! Остального для меня уже просто не существовало.

Иногда, правда, до боли хотелось кому-нибудь пожаловаться, чтобы пожалели, приласкали. Случалось, под влия-

нием этих чувств я совершала не совсем понятные себе и миру поступки... Бог ты мой, только вот не надо сейчас начинать это неуместное здесь, в Страсбурге, нытье! Я мотнула головой, избавляясь от неприятных мыслей.

Егор тем временем бодро диктовал официанту наш заказ. Хотя «нашим» его можно было назвать разве что условно – я так и не успела ничего выбрать. Но моего внезапно обнаглевшего сотрудника это обстоятельство, судя по всему, нимало не волновало. Закончив свой монолог на идеальном французском, которому я уже успела вторично за день позавидовать, он повернулся наконец ко мне и объяснил:

– «Тарт фламбе» – традиционное эльзасское блюдо. Выглядит почти как пицца, но не то: на раскатанное тесто кладется сметана, лук, сыр, а все остальное – по желанию и вкусу. И запекается. – Ему приходилось выкрикивать слова, нагнувшись к самому моему уху: шум в помещении за последние несколько минут вспенился и забурился, словно волна в шторм. В кафе уже не было ни одного свободного места.

– А если мне не понравится? – я демонстративно скривила губы и уставилась на него выжидающе: думала, он сейчас начнет распинаться, пытаясь рассказать, что еще здесь можно заказать и как это готовят. Не то чтобы меня не устроило по описанию это самое «тарт фламбе» – наоборот, очень интересно было попробовать национальную кухню, – просто должен же он исполнять роль экскурсовода для собственной начальницы как следует.

– А куда вы денетесь? – Егор с неожиданной наглостью посмотрел мне прямо в глаза. – Придется съесть.

Я вздрогнула, словно меня осадили ударом хлыста, и, несмотря на все усилия сдержать дыхание, засопела, невольно имитируя паровоз.

– По-моему, это хамство! – меня едва хватило на то, чтобы выговорить фразу без запинки.

– Простите, я не то хотел сказать. – Он привычно широко и примирительно улыбнулся. Померещился мне его наглый взгляд в темноте, что ли? Да и слова я могла из-за шума неправильно разобрать. – Вам обязательно понравится – это очень вкусно!

Через пять минут мы уже чокались запотевшими бокалами с золотистым, только что сцеженным из огромной деревянной бочки пивом, которое тут же, в разместившемся под залом подвале, и варилось. Вкус у юного напитка был сказочный: мягкий, свежий и невероятно легкий. Егор, видимо, изнывал от жажды после нашей долгой прогулки: так жадно он припал к стеклянному краю бокала губами и даже прикрыл от удовольствия глаза. Взгляд его стал неясным, глубоко погруженным в физическое блаженство, которое он испытывал. Я застыла, удивленно глядя на своего подчиненного через край своего бокала. И, как ни старалась, не могла оторвать взгляд от этого завораживающего зрелища – в Егоре таилась такая естественная природная сила, такая жажда жизни и страсть, что все эти ощущения начали передавать-

ся и мне. Помимо собственной воли и уж тем более разума я почувствовала, что возбуждаюсь: в голову непрошено полезли мысли о том, какими же глазами он тогда смотрит, когда занимается с женщиной любовью?! Как прикрывает веки, как туманится его взор, и сам он тонет в чувственности, идущей изнутри его существа. Если уж долгожданный глоток обычного напитка порождает столько ярких эмоций и чувств, что же творится с ним, когда наслаждение достигает апогея! Засуетившись в попытке скрыть от окружающих постыдные мысли, я чуть не захлебнулась в собственном пиве – сделала слишком большой глоток.

А потом принесли дымящийся, покрытый божественно ароматным сыром «тарт фламбе» на толстой деревянной доске и специальный круглый нож. Больше никаких приборов не было. Но это обстоятельство явно не смущало Егора: он ловко разрезал «огненный пирог» на четыре части, а один из кусков тут же скатал между пальцами.

– Это нужно есть руками, – объяснил он с набитым ртом. – Традиция символизирует необходимость делиться с ближними и быть простым в общении.

Я ничего не сказала – только чуть заметно покраснела и потянулась за своим куском. Вкус у «огненного пирога» был чуть кислый и обжигающий. Через мгновение я и сама забыла обо всем на свете, кроме того, что ощущали мои вкусовые рецепторы. Кажется, так замечательно – просто и вкусно – мне еще не было никогда! Какие уж тут приличия и попытки

выглядеть сырой, в самом деле?! Потом!

Наша вечеринка-экспромт закончилась далеко за полночь: кажется, мы даже пересидели добрую половину за-всегдатаев этого чудесного заведения. Оказалось, что «тарт фламбе» был только началом – дальше последовали горшочки с жарким из свинины, баранины и говядины – «беккеоффе», несчетные кружки пива и непременный в условиях Эльзаса десерт. Как я ни сопротивлялась, расхрабrivшийся под влиянием не одной кружки пива Егор чуть ли не с вилочки скормил мне целый кусок фруктового торта. Господи, о чем только думала моя голова?! В результате я наелась так, что с трудом доковыляла под конвоем Егора до отеля, стараясь из последних сил сохранить официоз и начальственность своей весьма уже подмоченной пивом репутации. Оставалась только надежда на то, что мой сотрудник, когда протрезвеет, всех этих тонкостей и не вспомнит. Да и с кем, в самом деле, не бывает? День выдался долгий: утром еще была в другом мире, в мыслях о работе, а теперь вот окунулась в праздную страсбургскую жизнь по самую макушку. У кого хочешь крышу от избытка впечатлений снесет. А я что, не человек, что ли?!

Ночь, вопреки ожиданиям, прошла спокойно. Думала – доползу до номера, тут же упаду на ароматные, чуть поскрипывающие от чистоты, но мягкие простыни и усну мертвым сном. Куда там! Уже и душ приняла, и вещи в шкафу разложила, и книгу почитала, и воды попила десять раз. Но,

как назло, сон ко мне не шел: то ли кровать в номере была неудобной, то ли мысли дурацкие лезли в голову слишком настырно, то ли просто смена обстановки давала себя знать. Окончательно измотав себя размышлениями о том, какую следует в дальнейшем избрать тактику поведения с собственным подчиненным, отключилась я только под утро. И снился мне, черт бы его побрал, Егор. Он молча шел ко мне, улыбаясь теплой улыбкой и глядя прямо в глаза. От близости его сердце бешено колотилось, дыхание сбивалось. А он протянул ко мне руку и осторожно коснулся снизу обнаженного локтя. Мурашки побежали от места прикосновения по всему телу, пронзая его таким неожиданно острым наслаждением, что я не посмела ни шевелиться, ни говорить.

Я проснулась, не открывая глаз. Перевернулась на бок, стремясь расстаться со следами наваждения, но безуспешно. Это были такие яркие, такие острые и дивные чувства, что я не могла припомнить, когда же испытывала что-то подобное в последний раз. Добросовестно покопавшись в памяти, я обнаружила, что было это лет в двенадцать, когда втайне любимый мною мальчик пригласил меня вдруг на танец во время школьной дискотеки. Тогда я сжалась в комок и танцевала, не дотрагиваясь до него ни единой частичкой тела: меня трясло мелкой дрожью так, что зубы стучали. И как же стыдно потом было показаться ему на глаза – не передать! Нет, ну нормально. Теперь-то я в три раза старше и в миллион раз опытней. Откуда такая впечатлительность?

Я выбралась из постели и отправилась в ванную. Открыла кран на полную мощность и стала смотреть, как голубая вода постепенно скрывает белоснежный пластик джакузи. Сегодня я твердо решила не прибегать к экскурсоводческим услугам Егора – обойдусь как-нибудь без него. Город уже немного знаю. Покатаюсь на теплоходе, погуляю в парке рядом с Советом Европы. Если верить путеводителю, в парке оранжереи тихо, красиво; есть и озеро, и искусственный водопад, и зоопарк, в котором живут аисты и маленькие обезьянки, – как раз самая подходящая компания для перезрелой девы в состоянии взбудораженных чувств.

На завтрак в отеле я попала поздно – пока собиралась, пока одевалась, прошло добрых полтора часа. Да и голова, по правде говоря, болела. То ли от выпитого вчера, то ли после бессонной ночи. Есть не хотелось – я так и просидела минут десять со стаканом апельсинового сока в руке, разглядывая таких же, как и я, припозднившихся гостей отеля. Вот молодая пара японцев – он за ней трогательно ухаживает, она смущенно улыбается в ответ. Наверняка молодожены. В уголочке двое французов – дама лет пятидесяти и ее молодой спутник. Сначала я подумала, что мама с сыном, но, приглядевшись, заметила, как мадам смотрит на юношу: игриво, с плутоватой искоркой в глазах. Да и он ей отвечает томными взглядами, то и дело дотрагивается до ее руки: самозабвенно играет в любовь. Черт знает что такое! В раздражении я допила свой сок, встала с мягкого диванчика и вышла из ре-

сторана.

Оказывается, от моего отеля до Соборной площади всего-то пять минут пешком. Непонятно, где это мы вчера так долго плутали? Может, Егор специально вел меня такой дорогой, где собор открывается взгляду неожиданно, в одно мгновение. Кстати, версия не без оснований. Что-то он вчера весь вечер намеренно старался вызвать во мне как можно больше эмоций и впечатлений. Ничего не скажешь, продуманный ход. Все-таки безумное влияние оказывают на людей спецэффекты! Правильно маркетологи говорят – главное любым способом заполучить три секунды внимания человека, его удивление или восторг, а дальше все пойдет как по маслу. Запомнит, придет, купит.

Ну, с акулами бизнеса все ясно – им бы продать. А чего добивался, выстраивая стратегию эмоционального всплеска, Егор? Надеялся, что я растаю, поддавшись восторгам, допущу его в свою душу и превращусь из начальницы в добрую тетушку, которая только и будет смотреть, как бы помочь бедненькому менеджеру с карьерой? Ну-ну! Хватит с меня и того, что я наслушалась историй о бизнес-альфонсах от своих недалёковидных приятельниц. Сначала сами пригреют на груди змею, а потом режут в три ручья над потерянной властью. Зашибись! Нет, я не нимфоманка, чтобы легко заглатывать подобные крючки. Плевать я хотела на «три секунды» внимания и эмоций. Меня вся рекламная индустрия страны пытается в плен захватить, да без толку. Не поведусь я на

призывы, просьбы, уговоры! Не отношусь к числу целевой потребительской аудитории. Не страдаю тягой к «красивой жизни».

Собственно, и к мужикам отношусь как к товарам народного потребления: с предельной долей цинизма. Если прищипит с кем-нибудь переспать, позвоню Насте или заеду к ней в клуб: там всегда есть выбор из десятка-другого накачанных идиотов. За пятьсот долларов добросовестно исполнят любой каприз. А ко мне – так еще и в очередь выстраиваются: я девушка видная, за собой слежу, не жадничаю. И если уж в голову приходит что-то особо для их куриного мозга сложное и недостижимое, всегда могу доплатить. Тем более что с деньгами проблем последние лет десять не наблюдается: детей нет, семьи тоже, недвижимость давно куплена, а привычка к транжирству – это не про меня. Не понимаю людей, которые не могут остановиться и вылезти из мерзкого потока потребления. Им все мало и мало, погрязли в пучине дегенеративного гламура и вещизма – болезней, вызванных повсеместной рекламой, телевидением и модной прессой. Я телевизор не смотрю – времени нет, глупые глянцевого журналы не читаю (что там читать?), а рекламу вообще пропускаю мимо глаз и ушей.

Ужасно, если ты позволяешь себе так вот подставлять под удар собственное подсознание. Ведь ясно же, все вокруг только и делают, что манипулируют твоими потребностями и желаниями. А потом «добренькие» чиновники картинно со-

крушаются с экранов, что в стране столько несчастных, наркоманов и алкоголиков! Как будто не они же создают их в таком количестве, способствуя подопечному бизнесу и заставляя потреблять, потреблять, потреблять... Но не все же люди могут заработать на то, к чему их склоняет заслонившая собою весь белый свет реклама, вот и дуреют с горя от чувства собственной неполноценности. «Спасаются» кто во что горазд: кто с помощью веревки и мыла, кто водкой и россыпями белого порошка.

Нельзя сказать, что я вся такая мудрая с самого рождения. Конечно, нет. Были времена, когда деньги заменяли мне само значение слова «жизнь». Не однажды приходилось идти на компромисс с собственным «я». Но у меня были тяжелые обстоятельства. Это сейчас я могу себе позволить презрение к деньгам, а когда-то... Ладно, нет у меня желания вспоминать. Портить себе отдых размышлениями о делах «давно минувших дней». Прошло достаточно времени с тех пор, как в моей жизни щелкнул переключатель – с «невезения» на «удачу». И карьера поперла вверх с таким упорством, что я сама себе могла бы позавидовать. Правда, за успех и до сих пор приходится платить: в офисе я торчу зачастую по двадцать часов в сутки. Нет времени даже передохнуть: того и гляди – кто-нибудь шустрый обгонит. Зато в свои тридцать семь я прочно сижу в составе топ-менеджмента известной компании, не нуждаюсь в деньгах, могу себе позволить то, о чем пятнадцать лет назад и мечтать не смела, знаю жизнь

такой, какая она есть. А потому цинизм и бьет из меня бурным фонтаном. Полагаю, это единственная область, помимо карьеры, в которой я добилась головокружительного успеха.

Пока я плутала в лабиринтах собственных мыслей, по страсбургским улочкам добрела до Совета Европы. Конечно, не на автомате – приходилось то и дело сверяться с путеводителем, но это было совсем не в тягость, тридцать минут пути прошли незаметно. Я даже удивилась тому, как хорошо мне может, оказывается, быть вне привычной рабочей суеты, наедине с собой. Когда я не перегружена кучей проблем, когда могу спокойно «ни о чем» поразмышлять.

Что самое удивительное, аисты действительно жили в парке оранжереи, прямо в черте города. Вили огромные гнезда на радость многочисленным посетителям и мирно перелетали с места на место, далеко вытянув длинные ноги и не обращая внимания на собравшуюся внизу любопытную толпу. Никогда раньше я не видела живых аистов – только нарисованных, да и то неправдоподобно, непременно с младенцами в клювах. В реальности птицы эти оказались величественными, даже надменными. Знали, наверное, с каким трепетом и любовью относятся к ним жители Эльзаса, и без зазрения совести пользовались привилегированным своим положением.

Я присела на траву у небольшого пруда с искусственным водопадом и стала наблюдать за тем, как огромные птицы взмывают в небо, описывают гигантские круги и неторопливо возвращаются в гнезда. Красиво. А я, отбросив недавние

мысли «за жизнь», наслаждалась теперь пьянящим ощущением свободы – не нужно притворяться, играть железную бизнес-леди, не стоит прятать улыбку и ласковый блеск в глазах. Все равно же здесь меня никто не знает. Можно побыть человеком. Я просидела так долго, удивляясь собственной неприязнательности, прямо на земле, и с удовольствием вдыхала чудесный аромат деревьев и трав. Постепенно народу вокруг становилось больше – приходили люди в строгих костюмах, белых рубашках и галстуках, тоже усаживались прямо на лужайку и разворачивали свой обед. Не думаю, чтобы в зданиях Совета Европы не было приличных кафе, где можно с комфортом перекусить. Просто сидеть под теплыми солнечными лучами, слушать щебетание птиц, жмуриться от яркого живого света и неторопливо жевать нравилось местным чиновникам гораздо больше. Я попробовала представить себе подобную картину под стенами Государственной думы или Совета Федерации. Стало смешно. Даже если наши драгоценные и решатся выбраться на улицу без охраны, затонированных по самые уши машин и прочих атрибутов власти, то уж вряд ли смогут без проблем присесть на лужайке. Живот не позволит. Я тяжело вздохнула. Недавнее раздражение в их адрес сменилось обыкновенной женской жалостью. Вот ведь бедняжки!

Прошло время обеда, месье в костюмах разошлись по залам заседаний, солнышко переместилось за мой затылок, а я все сидела, прикрыв глаза, ощущая, как покой и радость

передаются мне от самой земли. Не понимала я, зачем вставать, куда-то идти – ведь хорошо так, что счастье ощущается физически. Время от времени я для разнообразия открывала глаза и рассматривала аллеи парка. По дорожкам бродили, держась за руки, бесчисленные пары. От нечего делать я начала за ними наблюдать, но тут же об этом пожалела. Влюбленные окружали друг друга такой бережной, очаровательной нежностью, что глазам было больно на них смотреть – таким ярким светом сияло это неприкрытое счастье. Сердце непроизвольно сжалось и стало обливаться холодной тоской, душу пронзило острое одиночество. Ну и откуда, скажите на милость, прорвалась эта давно уже утопленная в потоках времени сентиментальность? Удовольствие от радости и покой моментально испарилось: и земля стала вдруг жесткой, и трава – мокрой, и солнце – злым. Я поднялась, отряхнула джинсы и направилась в центр Страсбурга.

Экскурсионные речные трамвайчики отходили от причала Роанского дворца каждые полчаса, как и было написано в путеводителе. Я купила билет, немного побродила по пристани, любуясь на красивые фахверковые домики на противоположном берегу Или, и, не торопясь, зашла на борт. Катер был похож на плоскую стеклянную капсулу, внутри которой разместились рядами обычные пластиковые кресла. Хорошо, что дело близилось к вечеру – в разгар летнего дня здесь можно было бы и зажариться заживо. Правда, когда трамвайчик заглотил в прозрачное чрево всех желающих и

тронулся с места, подул ветерок. Стало приятно. Я надела наушники, нашла нужную кнопку, переключилась на русский язык и погрузилась в историю Страсбурга...

В отель я возвращалась уже под вечер, уставшая и посвежевшая. Провести целый день на улицах европейской столицы – все равно что совершить долгую прогулку по сосновому лесу. Это вам не травиться угарными газами и пылью в Москве. Я размечталась. Вот бы переехать сюда когда-нибудь – купить небольшой домик под Страсбургом и начать наконец-то жить. Смотреть фильмы, читать книги, ходить на прогулки. В мире столько интересных книг и хороших фильмов, а я даже не подозреваю об их существовании.

Да, неплохо бы сбыться этой неожиданной мечте. Одна проблема: и деньги, и карьера – все это возможно только в вонючей, безумной и родной Москве. Куда уж нам от ее притяжения?

По дороге я заглянула в первый попавшийся супермаркет величиной с привычный московский «ларек» шаговой доступности. Но, как ни странно, купить здесь можно было все, что душе угодно. А поскольку идти куда-то ужинать одной мне не хотелось, то я и решила устроить себе спокойный вечер в номере перед телевизором – с бутылкой вина и какими-нибудь местными деликатесами. Позарившись на дешевизну, по сравнению с ценой на то же самое в родных магазинчиках для гурманов, и проголодавшись за целый день, я накупила всего: приготовленных в горчичном соусе

улиток, разных салатов из морепродуктов, ассорти из местных сыров, фруктов и бутылку белого эльзасского вина «Гевурцтраминер». Можно было, конечно, обойтись привычными «Рислингом», «Токайским» или, наоборот, выбрать редкий «Аксерруа» – где потом его попробуешь, – но захотелось чего-нибудь послаще. И я долго пыталась улыбчивую продавщицу на предмет нужной характеристики.

В общем, к отелю я подходила, не рассчитав свои силы, практически как выючное животное компактного размера: обвешанная с ног до головы пакетами и порядком взмыленная. Да, давно я уже таким вот образом не упражнялась: дома понятия не имела, откуда что берется. Мама и всегда-то у меня была гением домашнего хозяйства, а как вышла на пенсию, так просто переселилась на кухню: беспрестанно радуется кулинарными изысками и совершенно никакими проблемами не загружает. А мне когда ими заниматься? Она же прекрасно видит, сколько часов в день я работаю – только на сон немного времени и остается.

Я, само собой, надеялась проскользнуть в номер незамеченной. Как-то не очень удобно было перед администраторшами на ресепшен. Подумают опять, что русские туристы только и занимаются тем, что скупают все подряд во французских магазинах, да еще и на еде экономят: не ходят, как все нормальные люди, в рестораны. Только я порадовалась, что швейцар в дверях куда-то подевался, и собралась просочиться в отель через стеклянные двери, как меня не ожи-

данно окликнули. Вот черт! Я даже вздрогнула всем телом и чуть не выронила от неожиданности все свои пакеты.

– Маргарита Семеновна! – из машины, припаркованной возле самого входа, выскочил Егор и бросился ко мне со всех ног. Первое, что он сделал, – завладел полиэтиленовыми баулами. – Что с вами случилось?! Я уже раз двадцать на ваш мобильный звонил!

– Я гуляла. – Черт его знает, что такое! Не хватало только объясняться перед собственным подчиненным. Я сделала суровое лицо и начальственный голос. – Егор, во-первых, здравствуйте!

Мне удалось, чуть отвернувшись, украдкой смахнуть со лба капли пота.

– Добрый вечер. – Егор потупил взгляд – видимо, почувствовал себя уязвленным.

– Вы хотите меня проводить? – новая порция надменных ноток.

– Да. – Егор окончательно сник. – С удовольствием.

Вот ведь подхалим! Уже и самому противно, а все «с удовольствием». Чего, блин, не сделаешь ради начальницы, от которой зависит успех твоей работы?! А если повезет, то и карьера. Не на ту попал, солнце мое!

– Как вам будет угодно. – Я величественно пожала плечами и первой вошла в холл.

Только в лифте я подумала о том, что погорячилась, купив бутылку вина: чего не умею, так это вытаскивать из гор-

лышка пробку. Даже и пытаться не стоит – неважно, со штопором или без, в моем случае это равнозначно. Да, вот для чего, оказывается, мужики в доме нужны. Вино открывать.

– Егор, – не зря же он, в конце концов, приперся, – можно попросить вас об одолжении?

– Да, разумеется! – кажется, обрадовался. Господи, ну что ты с ним будешь делать?

– Поможете мне бутылку вина открыть? – главное, чтобы он теперь не вообразил себе, что мы и сегодня будем вместе пить.

– Конечно. – Расплылся в улыбке.

– Спасибо. – На лице моем не дрогнул ни единый мускул.

Я вставила карточку-ключ в дверь и распахнула ее, впуская Егора. Он осторожно осмотрелся и поставил пакеты на письменный стол. Злосчастную бутылку я тут же извлекла на божий свет.

– Вот, – я достала из бара штопор, – будьте добры!

– Пожалуйста! – тридцать секунд, радостное «чпок», изданное бутылкой, довольный собой Егор – вот и все беспокойства.

– Спасибо! – я наконец-то снизошла до ответной улыбки.

– Не за что! – он продолжал стоять.

– И все же – благодарю. – Я прикрыла глаза и склонила голову в знак истинной признательности.

– Ну-у-у, – Егор занервничал, – я пойду?

– Да-да, конечно. Еще раз – спасибо! – я уже стояла около

двери, приоткрыв ее.

– Мне завтра работать, – зачем-то напомнил он.

– Я в курсе. Вы уж постарайтесь! Мне лично кажется, что «Гранд Дом» для нас еще не потерян. Попробуйте с ними завтра связаться, напроситесь на встречу. Это же крупнейший, знаковый ритейлер!

– Но... – Егор попробовал было возразить.

– Егор, – я оборвала его на полуслове, – в бизнесе не до личных чувств. Здесь вами в первую очередь должен двигать коммерческий интерес. Поэтому забудьте про все эти удобно – неудобно, унизительно – омерзительно. Действуйте! Иначе вы не профессионал.

– Я понял. – Голос убитый. – До свидания.

– Я вам позвоню.

Дверь за ним закрылась, и я вздохнула с облегчением. Уф! Наконец-то можно снова почувствовать себя свободным от масок и игр человеком! Я достала из сумки телефон, на котором был отключен звук. Надо ж! Тридцать непринятых вызовов и пять непрочитанных сообщений. А пошли они все на... Отпуск у меня! Я удалила эту гадость, не просматривая, и отключила телефон.

Глава 3

Понедельник начался неплохо: я прекрасно выпалась, встала поздно – даже на завтрак не успела. Да и черт с ним, с завтраком, – вчерашние улитки еще, такое ощущение, не переварились.

Не вылезая из кровати, потянулась за путеводителем и стала лениво перелистывать страницы, размышляя, куда бы сегодня пойти. Решила – в музей. Бог его знает, чем меня так уж привлекли фотографии экспонатов Музея Эльзаса, но выбор я для начала остановила именно на нем. Музей, как говорилось в статье, разместился в нескольких, некогда жилых, домах, соединенных друг с другом. А меня хлебом не корми – дай только почувствовать изнутри чью-нибудь чужую жизнь. Может, это оттого, что своей толком нет. Но глаза прямо-таки загорелись от нетерпения, когда я увидела на картинках старинную мебель, посуду, непонятные приспособления и инструменты, которыми был напичкан Музей Эльзаса. Быстро встав, я приняла душ, оделась и вышла на улицу.

Погода стояла чудесная – не так жарко, как вчера, да и ветерок легкий обдувает. Дорогу до Соборной площади я уже выучила наизусть, потому и решила начать свой день с этой главной достопримечательности Страсбурга. А когда приблизилась к кафедральному собору, то не удержалась:

меня как магнитом тянуло внутрь. Я с усилием открыла тяжелую деревянную дверь и проскользнула в собор. Днем он выглядел изнутри еще более загадочным и манящим: солнечные лучи пробивались сквозь витражи, расцвечивая мягкими разноцветными бликами пол, стены, деревянные скамейки, которые сияли так, будто их расписал проворной кистью влюбленный художник. Теперь я уже не столько разглядывала отдельные детали – колонны, гобелены, витражи, скульптуры, – сколько наслаждалась самой атмосферой. Тихая мудрость и божественное величие пропитали собою древние стены.

Из собора я ушла далеко за полдень, хотя планировала только заглянуть на пять минут – увидеть, как он смотрится под лучами солнца, бьющими прямо в витражи. Выйдя, я невольно зажмурилась от яркого дневного света и неторопливо направилась к набережной Или – искать мост. Музей Эльзаса располагался где-то неподалеку, на противоположном берегу узенькой речушки. И вправду, оказалось, что пройти нужно метров четыреста, не больше. По сравнению с московскими расстояниями ощущение было таким, словно я попала в кукольный городок. И все такое жизнерадостное, детское! Цветущая герань на подоконниках и балконах, желтые, синие, бежевые стены домов, улыбающиеся прохожие. И никто никуда не спешит: бредут себе, не торопясь, сидят за столиками уличных кафе, обедают так неторопливо, будто сегодня выходной, а не самое начало рабочей недели. С ума

сойти! Мы бы в Москве давно все по миру пошли, если б вот так «работали»! Зато уж здесь люди точно успевают ощутить настоящий вкус жизни. Она не проносится мимо них с быстротой сверхскоростной ракеты.

Поддавшись всеобщему умиротворению, я тоже снизила и так, по моим понятиям, весьма черепашую скорость, а чтобы еще больше пропитаться всеобщим наслаждением, заглянула в первую попавшуюся «Крепери». В ее витрине было выставлено такое разнообразие умопомрачительных десертов, что ни женщине, ни ребенку не устоять. Я заказала кофе и тонюсенькие хрустящие блинчики с мороженым. Кофе был вкусным, блинчики таяли во рту, прохожие мне улыбались. Ума не приложу, как же я раньше-то жила без таких вот – простых и невероятных – удовольствий?

До музея я добралась за три часа до его закрытия. И с наслаждением, не торопясь, бродила по многочисленным залам – комнатам старинного дома. Здесь расположилось жилое помещение с колыбелькой посередине, с высокой кроватью в алькове и деревянной скамеечкой перед ней, чтобы удобнее было залезать. Это – кухня: ручной работы комод с расписной посудой, молочно-белая печь, большой обеденный стол. Все добротное, крепкое, сделано на века. А главное, предметы были настоящими, живыми, они до сих пор хранили на себе тепло чьих-то тел и рук. Как объяснила служительница, всю мебель принесли в музей жители Эльзаса, не поскупившись, отдали самые старинные и милые сердцу

вещи из своих домов. Вот отчего, интересно, такое невозможно в России? Куда в наших семьях растворяются предметы, служившие нашим прапрабабушкам и прапрадедушкам? То ли традиционное русское разгильдяйство, то ли бесконечные, все уничтожающие катаклизмы. Я разговорила с музейной девушкой, и она с гордостью рассказала, что у нее самой в доме целую стену занимают копья, пики, щиты, арбалеты, принадлежавшие в Средние века ее предкам. Настоящее оружие, успевшее отведать крови и защитить жизнь семьи. А я вдруг вспомнила, что у нас с мамой во всей квартире вряд ли наберется с десятков вещей, принадлежавших моей бабушке, не говоря уж о более древних предках. Стало грустно и обидно за утраченную историю собственного рода. Хотя какой там род? Сплошное недоразумение.

После музея я еще погуляла, а потом зашла поужинать в ресторан. Заказала эльзасский мясной «шюкрот» – блюдо из кислой капусты с кусками свинины, разнокалиберными домашними сосисками и ветчиной. Но не осилила даже четвертинки: порция оказалась слишком большой. Да и не только в этом было дело – оказывается, никакой радости нет в том, чтобы ходить по ресторанам одной. Кусок в горло не лезет. Зато вино в кувшинчике кончилось неприлично быстро. Что-то я третий день подряд позволяю себе напиваться. Осторожнее бы надо, с моей-то дурной наследственностью.

Егору я в тот вечер звонить не стала – было уже поздно, и еще я внезапно осознала, что мне лень интересоваться ра-

бочими делами. А других тем для разговоров у нас с ним не было. Да и быть не могло. Оно, собственно, и к лучшему.

Я уснула так быстро, что, казалось, моя голова даже не успела коснуться подушки.

До конца недели я оказалась полностью предоставлена себе: гуляла по городу, посещала музеи, часами лениво перебирала вещи в магазинах. За пять дней самостоятельных прогулок по городу выучила и Страсбург, и его историю чуть ли не назубок. Самый древний и живописный квартал города – «Маленькую Францию» – я исходила вдоль и поперек. Мне нравились бесчисленные крошечные мостики, перекинутые через каналы и реку Иль, притягивали уютные ресторанчики и кондитерские, в которых можно было часами сидеть за чашкой кофе, восхищали средневековые башни, оставшиеся еще от городских укреплений. Я настолько сжилась с этим оазисом благоденствия и покоя, который казался мне воплощением всего лучшего, чем обладает Франция, что не на шутку рассердилась, вычитав о том, что название квартала не имеет ничего общего с моим радужным и сказочным восприятием. Оказывается, в шестнадцатом веке здесь располагался госпиталь, в котором солдат лечили от «французской болезни» – сифилиса. Отсюда и «Франция», только «маленькая». Надо же, никакой романтики!

Как свои пять пальцев я знала теперь и Площадь Клебера, и Площадь Гуттенберга, и Европейский квартал. Да много чего еще. Только вот странно, что быстрое это знакомство с

городом не вызывало ни пресыщения, ни скуки. Мне было здесь хорошо. И никуда я не хотела уезжать.

Егор дважды в день присылал мне на мобильный телефон «сообщения вежливости»: «С добрым утром! Если могу быть полезен – звоните. Хорошего дня!» и «Надеюсь, вы хорошо провели сегодня время. Спокойной ночи!». Я даже и не пыталась отвечать, обленилась настолько, что просто сил не было тыкать пальцами в кнопки самого идиотского изобретения человечества и по совместительству орудия пыток – мобильного телефона. Да и плевала я на жалкие потуги своего подчиненного выглядеть заботливым и корпоративным. Время от времени мне пытались звонить из офиса, но я отвечала только на звонки гендиректора. Все прочие, и так уже осточертевшие коллеги, игнорировались без сомнений и жалости. «Зря я, наверное, так, – думалось мне иногда, – ведь черт-те что там может происходить». Но мысль эта пролетала мимо, не цепляя ни единой струнки моей вдруг настроившейся на радости жизни души. Я отдыхаю. А со всеми рабочими глупостями будем разбираться потом, по прилете.

В пятницу я купила толстенную книгу об Эльзасе и, прочитав первые пять страниц, поняла, что в Страсбурге я явно засиделась: оказывается, были еще неподалеку средневековые замки, живописные деревеньки, высокогорные монастыри, крохотные городишки, которые все вместе объединялись известными на весь мир эльзасскими винными дорогами. Попасть во все эти сказочные места можно было только

на машине, а поскольку за рулем я езжу так себе, ориентируюсь на любой, даже знакомой, местности не больше чем на тройку с минусом – благо в Москве возит специально обученный водитель, – здесь роль последнего мог сыграть только Егор. По крайней мере, нужно было использовать этот шанс и объездить как можно больше мест за субботу-воскресенье. Я позвонила ему и сообщила о своих намерениях. Он восторженно согласился. Так и сказал, продолжая изображать из себя преданного халдея: «С радостью составлю вам компанию». А куда он денется?! Только меня сейчас больше интересовала не «компания», а служебный автомобиль с водителем в придачу.

Выезжать решили пораньше – первый раз за всю неделю я вышла из номера, когда еще не было девяти утра. Что-то совсем разленилась в этой Европе. А если учесть разницу во времени, то больше похоже на то, что я начала путать время суток: по крайней мере, день и утро точно.

– Доброе утро, Маргарита Семеновна! – Егор окинул меня заботливым взглядом. – Прекрасно выглядите – отдых вам на пользу.

– Доброе. – Я едва взглянула на него сквозь темные стекла очков. – Поехали?

Егор открыл заднюю дверцу машины, приглашая сесть. Одет он сегодня был в невообразимо потертые джинсы, стоптанные кроссовки и майку в стиле милитари, из-под левого рукава которой выглядывал «хвост» татуировки. Вот ведь,

блин, – западный менеджер крупной российской компании! Я с раздражением подумала о том, что вся эта синяя хрень на его руке наверняка просвечивает сквозь белую рубашку, и представила себе, как реагируют на такое безобразие наши партнеры и продавцы, которых он тренирует. Да, Ритуля, сотрудников-то повнимательнее надо выбирать! Понравился, видите ли, смазливый мальчишка с честными глазами. Но тут меня не вовремя разобрало любопытство – захотелось задрать рукав его майки и посмотреть, что там нарисовано на широком и, не могу не признать, красивом плече. Только усилием воли я себя остановила: это с мужскими проститутками можно было позволить себе подобные жесты. А Егор – подчиненный, сотрудник компании. Должна же быть хоть какая-то, самая примитивная, деловая этика! Я не мужик какой-нибудь недоделанный, чтоб опускаться до sexual harassment на работе. И не девочка тоже – прекрасно знаю, как удовлетворять свои сексуальные потребности. Благо возникают они нечасто. Я тряхнула головой, выбрасывая из нее весь этот мысленный хлам.

Планы на сегодня у меня были грандиозные: посмотреть знаменитый замок О'Кенигсбург, а вечером смотаться в Германию, в Баден-Баден. Благо ехать от Бадена до Страсбурга всего-то минут сорок, не больше. А я там еще ни разу в жизни не была. Только слышала, что в городе есть замечательные термальные купальни, которые существуют чуть ли не с римских времен, и, само собой, бесчисленные казино. Кажется,

именно в Баден-Бадене в свое время окончательно свихнулся на азартных играх Достоевский. И вроде как там же умер. Хотя точно не припомню. Если я когда-то о нем и читала, то только в школе. С тех маразматических времен у меня в доме нельзя отыскать ни единой книги, кроме деловой литературы: по маркетингу, продажам, тренингам и управлению персоналом. И, я считаю, правильно. Не хрен забивать себе голову всякой мутью, страдать поисками «смыслов жизни». А потом еще удивляться, откуда все время депрессии? Отчего я такая бедная? Да работать потому что надо, деньги зарабатывать, а не фигней страдать! Голова должна приносить человеку материальную пользу – поэтому мысли свои необходимо направлять в правильное русло. Я придвинулась к окну автомобиля и стала всматриваться в зеленые пейзажи. Из Страсбурга мы к этому моменту уже выехали.

О'Кенигсбург я увидела издалека – когда мы еще неслись по автобану. Огромный, построенный из песчаника замок с медной крышей на квадратной башне привольно разлегся на самой вершине мохнатого, покрытого лесами холма. Как там писали в книжке? «Расположен на высоте более семисот пятидесяти метров над Рейнской равниной». Надо же! Впечатляет. И красиво до слез.

Последние десять минут пути машина ехала по серпантину в гору, заросшую густым сказочным лесом, на верхушке которого плясало яркое солнце. Деревья были старыми, огромными. Перед автомобилем с бешеной скоростью про-

носились их необъятные стволы. В глазах у меня началось такое стремительное мельтешение теней и пятен света, что я почувствовала дурноту. А еще эти чертовы вихляния по узкой дороге. Я постаралась отвлечься и не смотреть на асфальт, по краям которого возвышалась теперь стена красного песчаника с вплетенными в нее мощными корнями деревьев. Так-так, срочно нужно о чем-нибудь подумать. А вот интересно, сколько времени занимал этот подъем без машины, в двенадцатом веке, когда строился замок? Явно же не один день. А ведь все продовольствие возили из расположенных у подножия холма деревень. Вот уж точно некогда было в те времена людям задумываться о высоких материях: все силы уходило на быт. Разве что герцоги, епископы, графы – сменявшие друг друга хозяева замка – могли себе позволить интеллектуальную жизнь. Нет, все-таки повезло мне, что родилась я в двадцатом веке, да еще на пороге повсеместного беспредела в родной стране. В двенадцатом точно бы сгинула бесследно со своими карьерными амбициями. Ну, в лучшем случае получилась бы из меня ведьма, и спалили б на костре. Это сейчас можно вырваться «из грязи да в князи». А раньше – какая судьба отведена человеку с рождения, такую он жизнь и проживет. Невозможно преодолеть препятствия, предписанные родом или сословием. Хотя о чем это я? Женщин за людей тогда вообще не считали, их удел – дети, хозяйство, дом. Интересно, я-то как могла бы вписаться в такой стиль? Да никак! Сочла бы за благо утопиться еще

в младенчестве.

Машина наконец остановилась, и я нетерпеливо выскочила из нее, не дожидаясь помощи Егора. Мысли мыслями, но еще чуть-чуть, и софителевский завтрак вырвался бы неприглядным фонтаном наружу. Только этого не хватало! Я быстро отошла от машины и встала на краю обрыва, которым заканчивалась небольшая автомобильная стоянка. В воздухе стоял густой запах сосен и влажной прошлогодней листвы, разогретой солнцем. Внизу простирались лесистые холмы, а за ними – виноградники и едва различимые в туманной дали эльзасские деревушки. Дух захватывало от этого зрелища!

Я вдыхала чистый воздух полной грудью, и он со сказочной быстротой лечил от тошноты и боли в висках. Уже не хотелось никуда уходить, и я, забыв, что еще час назад мечтала попасть в замок, опустилась на мягкую землю и скрестила ноги. И откуда у меня – всегда энергичной, не терпящей покоя – появилась в Эльзасе эта привычка замирать? Не знаю. Да и черт с ним. Главное, как же мне здесь хорошо! Я прикрыла глаза и запрокинула голову, подставляя лицо утреннему солнцу. Сзади слышались осторожные шаги, но мне лень было шевелиться: хотелось сидеть так, застыв, пока не затекут все мышцы. И я сидела. Долго-долго. Потом открыла-таки глаза, оглянулась, пытаюсь отыскать взглядом Егора. Оказывается, он бесшумно присел неподалеку, всего в паре метров от меня. Поймав мой взгляд, он улыбнулся.

– Пойдем? – в его голосе прозвучало извинение. Словно

он отрывал меня от государственно-важных дел.

– Куда? – не до конца очнувшись, я даже растерялась.

– В замок, – он кивнул в сторону входа головой. – Вы же отдохнули?

– Да.

Он поднялся первым и подал мне руку. Ладонь его оказалась неожиданно твердой и одновременно нежной. Так странно. Я оперлась на руку Егора и тоже встала.

Мы подошли к кассам у южного фасада. В выходной день народу приехало много – немцы, французы с детьми, группы японских и еще каких-то туристов. Все послушно топтались в очереди, подставляя солнышку кто лица, кто спины. Я купила билеты, и мы отправились к входу.

Деревянные, почерневшие от времени ворота стояли открытыми, а под древней аркой расположилась обыкновенная железная вертушка, через которую посетители входили в вымощенный камнями двор замка. Благодаря работе у меня давно уже сформировалась просто-таки неистребимая тяга к планированию и последовательности, поэтому первым делом я остановилась перед стендом, на котором красовался внутренний план замка. И какой-то текст. Но с чтением по-французски дела мои обстояли плачевно, язык я учила в основном «методом погружения», на слух: на другие способы времени никогда не оставалось.

– А что здесь написано? – чтобы не мучиться напрасно, я решила использовать Егора. Зря, что ли, он столько лет

благодаря мне во Франции живет?

– Пишут, что в двенадцатом веке замком владели братья Гогенштауфен, в тринадцатом он перешел к герцогам Лотарингским, а потом – к епископам Страсбургским, – добро-совестно начал Егор переводить всю эту дребедень.

– И что, здесь с двенадцатого века все так и сохранилось? – прервала его я. Что меня действительно приводит в трепетный восторг – так это древние камни и постройки. Странно, что я – дитя панельных домов и монолитов – каким-то чудесным образом верю в то, что старые стены помнят всех своих обитателей и при желании могут многое рассказать. Главное, уметь слышать.

– Подождите, сейчас посмотрим. – Егор быстро пробежал глазами по строкам. Я топталась на месте от нетерпения. – Да нет, к сожалению. Во время Тридцатилетней войны замок разрушили и разграбили шведы. А, вот, смотрите. Тут написано, что в 1889 году О'Кенигсбург был подарен кайзеру Вильгельму II. И тогда он лежал в развалинах. Восстановили все начиная с 1908 года.

– Ну-у, – я здорово расстроилась. Даже сама не успела заметить, как надула губы.

– Что такое? – Егор улыбнулся. Я быстро взяла себя в руки и сотворила нейтральное выражение лица. – Вы разочарованы?

– А вы как полагали? – набросилась я на него. – Могли бы сразу предупредить, что все здесь подделка!

– Но, Маргарита Семеновна, – кажется, Егор не ожидал такого бурного наезда, – вы совершенно не правы. Здесь были проведены серьезные археологические исследования, изучались документы, все внутреннее убранство замка воссоздано по фрагментам...

– Хватит! – я отвернулась и направилась к двери, ведущей в кухни и подвалы замка. Хотя чего, собственно, я так завелась? Видимо, по привычке. Замок и вправду был прекрасно отреставрирован и выглядел более чем достоверно.

Егор преданно тащился следом и время от времени давал простенькие комментарии, заглядывая в брошюрку, полученную на входе.

– А-а, вот это одна из самых больших бочек Эльзаса, – Егор показал на углубление в стене, где разместилась необъятных размеров старинная емкость. – Кстати, сохранилась с тех самых времен, века с четырнадцатого.

– Ясно. – Я оценила его старания и украдкой улыбнулась. – А что в ней держали, не знаете?

– Вино, насколько я понимаю. – Егор подошел поближе. – В Средние века ни один уважающий себя рыцарь, герцог или граф не пил воды. Это считалось уделом простолюдинов. Так что черпали вот таким ковшом, – он показал на вытесанный из цельного куска дерева старинный ковш, висевший рядом, – прямо из бочки, чтобы утолить жажду.

– А дамы? – заинтересовалась я.

– А дамы, думаю, не отставали, – неуверенно предполо-

жил он. — Иначе в те времена вряд ли можно было выжить — холодно, как в склепе, мужики кругом дикие: то в пояс верности норовят заковать, то еще чего удумают.

— Да? — черт меня дернул развернуть эту тему. Точнее, не черт, а веселый бесшабашный бес, появившийся вдруг внутри. — А вы, Егор, что против пояса верности имеете?

— Ну, как бы вам объяснить, — он, засмутившись, старался смотреть куда-то поверх моей головы, — во-первых, негигиенично. Во-вторых, за пару дней ношения обеспечены кровавые потертости и мозоли: он же из железа. А там рукой подать и до заражения крови...

— Егор! — я торопливо прервала его, пожалев о глупом вопросе. Прозвучали эти разъяснения отнюдь не романтично. — Откуда такие подробности?

— Читать люблю, — пожал он плечами. — Кстати, в наше время пояса верности делают из нержавеющей стали. Их китайки в Индонезии надевают, выходя из дома, чтобы не изнасиловали: там к китайцам коренное население относится враждебно. Всякое может произойти.

— Понятно. — Я решила свернуть эту «светскую беседу» и, по привычке язвить в адрес подчиненных при малейшем удобном случае, отчитала сотрудника менторским тоном: — Вы бы лучше теорией продаж занялись, чем читать всякую муть. Больше пользы бы было от вашей работы.

Егор пропустил замечание мимо ушей. Видимо, прекрасно понимал, что из-за пустяков не стоит со мною ссориться.

Что ж, это делает ему честь. А может, маркетинговые и коммерческие заморочки его в принципе не очень интересуют и он не собирается этого скрывать? Тогда с его стороны такое поведение – форменное хамство. Поразмышляв об этом пару минут, я так и не определилась с выводами, махнув на них рукой, и мы отправились в глубь замка.

По бесконечным комнатам и коридорам мы бродили так долго, что у меня в результате даже ноги заболели. Ну, конечно – зачем было босоножки надевать? Подумаешь, в кроссовках не стильно, зато удобно! Нет ведь, даже на отдыхе думаю об имидже деловой леди. Смешно мы, наверное, смотримся с Егором – он весь такой неформальный, а я – как на прием к президенту. Хотя... В Европе давно никто на подобные глупости внимания не обращает.

На следующих этажах, куда я проковыляла на своих бедных усталых ножках, расположились комнаты рыцарей и спальни для гостей, а самые впечатляющие залы – Кайзеровский зал, Оружейный зал и Лотарингская комната – разместились с западной стороны. Я даже забыла о своих ногах – такой завораживающе-красивой была обстановка – и погрузилась в умело воспроизведенную художниками средневековую атмосферу.

Кайзеровский зал предназначался для торжеств: внушительных размеров стол и стулья посреди огромной комнаты, украшенной рыцарскими доспехами. А еще – мощная, свисающая с потолка на толстой цепи замысловатая люстра, сде-

ланная, как мне показалось, из костей каких-то животных. В Оружейном зале вдоль стен тянулись стенды с доспехами и холодным оружием – копьями, мечами, арбалетами. Рукоятки копий были потерты, лезвия мечей – в зазубринах. Оружие было самым что ни на есть настоящим, не раз побывавшим в сражениях. Я вспомнила девушку из Музея Эльзаса, которая говорила о том, что у них дома хранится целая коллекция оружия, принадлежавшего предкам. Возможно, и эти экземпляры также были куплены для украшения замка в домах бережливых жителей Эльзаса. А в Лотарингской комнате под потолком, над самым столом, висел дракон. Как сообщил Егор, заглянув в брошюрку, – дракон Граули из немецкого фольклора. Кажется, Граули был мастерски вырублен из дерева: огромный мускулистый хвост, тонкие перепончатые крылья, прижатые к животу когтистые лапы и мудрые зеленые глаза. Ощущение было таким, словно это был и вправду некогда живой, а теперь вот засушенный и подвешенный на крюк крылатый зверь.

Одним словом, о том, что мы приехали в О'Кенигс-бург, я не пожалела. А когда, пройдя многочисленные залы и апартаменты на всех этажах, мы вышли в Верхний сад и подошли к Большому бастiónу, откуда открывался сказочный вид на расположившиеся под нами равнины и соседние замки, от переизбытка чувств я чуть банально не потеряла ориентацию в пространстве. Даже было покачнулась, но Егор моментально среагировал и поймал меня под локоть.

Руку обожгло. В памяти, произвольно и негаданно, всплыл недельной давности сон, в котором Егор точно так же дотронулся до моего локтя, а я не смогла справиться с накатившими ощущениями.

Я выдернула руку и отошла на шаг в сторону, вцепившись в каменные стены, чтобы не упасть. Вот только незапрограммированных реакций организма на своего подчиненного мне не хватало! Откуда что берется, черт возьми! Еще минут десять я «любовалась» видами с башни, переживая глубокий тактильный шок. Ну, дура, допрыгалась. Разве можно было планировать такой долгий отдых, не позаботившись о сексуальной части программы? Не хватало только начать на собственных сотрудников от безысходности кидаться.

Это, оказывается, когда пашешь сутки напролет, подобные глупости интересуют не чаще, чем раз в два месяца. А тут – свежий воздух, прогулки, долгий сон, хорошая кухня. Надо было с Настей договориться, взяла бы с собой кого-нибудь из ее остолопов – лучше всего Сашку – на две недели. Самое смешное, думала же об этом, да только связываться не захотелось: ночью, понятно, с ним хорошо, а днем что я с этим дегенератом малолетним буду делать? По замкам за собой таскать и вместо того, чтобы наслаждаться видами, слушать беспрестанное нытье: «Рита, я проголодался», «Рит, давай сходим в казино», «Риточка, а я видел у Кардена такие брючки! купишь?». Да ну на хрен! Перетерплю как-нибудь. Просто нужно душить эти реакции в зачатке: не самое

страшное, что может в жизни произойти.

Из замка я выходила мрачная – погруженная в свои мысли. Не ожидала я от своего организма такого предательства! В жизни же меня подобные вещи не волновали, а если учесть основной опыт общения с мужиками, то и вовсе должны были вызывать отвращение. Да так оно, по большому счету, и было. Даже Настиных придурков я изредка «увольняла» из клуба только потому, что хотелось лишний раз щелкнуть особь мужского пола по носу: «Смотри, ты – ничтожество, а я – королева». Дощелкалась, черт возьми! Кто бы мог подумать?!

– Маргарита Семеновна, вы как себя чувствуете? – Егор догнал меня и озабоченно заглянул в лицо. Кажется, он подумал, что у меня от высоты голова закружилась или плохо мне стало. Угу. Знал бы, что за «недуг» меня подкосил на самом деле.

– Неважно. – Я демонстративно прижала пальцы к вискам. Решила подыграть. – Голова сильно закружилась.

– Это от высоты, – убежденно произнес он, – я сам к краю никогда не подхожу, начинает мутить. И вам не стоило так близко.

– Пройдет. – Я, не сбавляя шага, двигалась к выходу.

– Может, посидим? – он старался не отставать. – Отдохнете немного – вон там есть скамейка. Вам лучше станет.

– Пройдет, – повторила я, не меняя бесцветных интонаций.

– Рита, – от неожиданности я остановилась как вкопанная, – ну ты же не железная. – В его голосе звучала такая искренняя забота и даже испуг, что я не смогла рассердиться. – Побереги уже себя!

– Послушайте, – кажется, голос мой звучал не зло – только устало, – мы с вами не пили на брудершафт. И не собирались.

– Простите. – Егор отвел глаза. – Я не специально, вырвалось.

– Поехали.

Не дожидаясь, когда Егор откроет передо мной дверцу, я села в машину – на этот раз вперед. Боялась, что на живописном серпантине меня снова затошнит. Однако на этот раз обошлось. Да и обзор был гораздо лучше – я успевала рассмотреть чуть ли не каждое дерево старого леса. Пора бросать пижонскую привычку ездить только на заднем сиденье автомобиля – по крайней мере, до Москвы. А то ведь так и не увижу толком ничего.

– Заедем пообедать? – Егор осторожно притормозил у съезда на автобан.

– Как хотите. – Настроение так до конца и не наладилось.

– Маргарита Семеновна, – Егор все еще держал ногу на педали тормоза и смотрел на меня. Кажется, чуть испуганно, – вы у нас начальница – вам и решать. А я только слушаю и повинуюсь.

– Ладно, – я невольно улыбнулась, – заедем. А куда?

– Да тут неподалеку две чудные деревушки: Рибовиле и

Рикевир. Вам какая больше нравится?

– Рикевир, – повторила я последнее название. Какая мне, на самом деле, разница? Но если уж мы начали игру «Решения принимаю я», да будет так.

С Рикевиром я не прогадала. Даже забыла на время, зачем мы сюда заехали, зачарованно оглядываясь по сторонам. Деревушка была крохотной, но такой живописной, что, увидев раз, ее нельзя было не запомнить на всю жизнь. Сразу за древней крепостной стеной, бережно окружавшей селение, начинались ухоженные виноградники. А в самой деревушке, старинные улочки которой были вымощены камнями, на каждом шагу взгляду открывались чудесные фахверковые дома, уютные дворы, украшенные цветами колодцы, порталы, фонтаны или эркеры. Все вокруг выглядело таким чистым и аккуратным, словно местные жители и улицы, и дворы считали продолжением своего дома. Да и, честное слово, здесь возникало такое ощущение, что люди живут одной семьей – населения всего-то тысяча двести человек, как сказал Егор. Бог ты мой, у нас в «РусводКе» народу работает больше!

Я еще долго бродила по этой милой деревушке, а Егор послушно ходил за мной следом. Потом я нырнула под вывеску какого-то винштубе и, поздоровавшись с милой хозяйкой, села за свободный столик во дворе. Егор с улыбкой опустился рядом.

– Вы меня даже не спросили, где здесь лучше пообедать, –

сказал он с едва заметным укором.

– Сегодня у меня интуиция, – я подперла подбородок рукой. Внутри уже снова плясали веселые, и, надеюсь, безобидные черти, – я все выбираю сама.

– Ну, тогда не вмешиваюсь, – согласился Егор.

Правда, сама я ничего выбирать не стала – пригласила к столу хозяйку и попросила рассказать, что у нее готовят лучше всего. За неделю жизни в Страсбурге мой французский однозначно воспрял духом и теперь чувствовал себя вполне непринужденно. Дама с самой доброй улыбкой отрекомендовала нам чудесный гусиный паштет в тесте, рыбный шо-крут, а на десерт – яблочный штрудель. С вином я тоже положи-лась на нее – отчего-то эта полная улыбчивая эльзаска в чистом льняном фартуке с вышитой на нем гигантской ро-машкой понравилась мне без всяких оговорок. Оказалось, что у нее лучше всего пить «Розенбург». Я и не возражала. А Егор продолжал исповедовать свой новоявленный прин-цип: «Слушаю и повинуюсь», что меня и устраивало в пол-ной мере.

За обедом мы говорили мало – во-первых, все оказалось таким вкусным, что прерываться на долгие разговоры бы-ло бы просто кощунством. А во-вторых, мне сейчас боль-ше нравилось рассматривать уютный эльзасский двор, сте-ны старого дома, посетителей ресторана, с большинством из которых хозяйка была знакома. И еще прохожих, которых я видела сквозь низенькую арку, ведущую с улицы во двор, а

они меня нет.

– Куда теперь? – Егор наконец решился задать вопрос – я уже минут тридцать как сидела, откинувшись на спинку стула с совершенно отсутствующим видом.

– Поедем в Баден-Баден. – Сегодня я кровь из носу собиралась выполнить всю намеченную развлекательную программу. В следующую субботу улетать, а в будние дни не разъездишься: водитель на работе.

– Отсюда километров сто двадцать. – Он посмотрел на часы. – А вы куда планируете успеть? Если в купальни, то нужно ехать сейчас, если в казино, можно не торопиться.

– В купальни, – я поднялась со стула, предварительно отсчитав хозяйке заведения двести евро. – Терпеть не могу казино.

– Да? – Егор удивленно вскинул брови, но от комментариев воздержался. – Ладно, как скажете. Только, раз уж мы оказались на Эльзасской дороге вин, предлагаю проехать через деревни. Заглянуть в винные погреба.

– Не возражаю, – одобрительно кивнула я.

И дальше понеслось. Для начала мы все-таки заехали в Рибовиле – по дороге – и зашли в первый попавшийся винный погребок. Заведение с обыкновенной железной дверью и крутой узкой лестницей, ведущей вниз, оказалось внутри огромным подвалом, тонувшим в загадочном полумраке. В просторном помещении расположились громадные бочки, высокие пыльные ячейки, забитые бутылками до самого по-

толка, и деревянная барная стойка, на которой были разложены проспекты с марками вин и расставлены традиционные эльзасские бокалы с зелеными ножками. Егор, не дав опомниться, подвел меня к стойке. Широко улыбающаяся девушка в аккуратном фартучке и платочке моментально поставила перед каждым из нас по шесть бокалов и выжидательно устоялась на Егора.

– Ну как, пробовать будем? – поинтересовался у меня он.

– А что, разве еще можно отказаться? – удивленно спросила я, любуясь блистательной батареей выставленных передо мной бокалов. В прозрачном стекле плясали огоньки свечей, расставленных по краям стойки.

– Да можно, конечно, – пожал он плечами. – Но не стоит. Предлагаю начать с «Креманта». А дальше – по порядку. – Он кивнул девушке и быстро что-то сказал.

Та моментально извлекла невесть откуда еще два бокала, не широких, а высоких и узких, сняла с полки пузатую бутылку из толстого стекла, вытащила пробку и наполнила бокалы игристым вином, сиявшим изнутри живым золотом. Егор поднял оба бокала. Один протянул мне.

– За ваш отдых, – сказал он, склонив почтительно голову, – чтобы он был прекрасным и незабываемым.

– Кажется, кое-что здесь зависит и от вас, – ответила я, не сразу обратив внимание на двусмысленность своей фразы.

– Приложу все усилия, – улыбнулся Егор и прикоснулся своим бокалом к моему.

Девушка смотрела на нас улыбаясь – будто разделяла наш праздник, хотя, разумеется, не поняла ни слова из сказанного. А я подумала, как необычно смотрится Егор в своих обтрепанных джинсах среди этих бочек, бокалов, свечей. Словно переместился назад во времени. Забавно.

Мы выпили. «Кремант» пощипывал язык и был чуть более кислым, чем хотелось. А дальше все пошло по необычному для меня, но привычному для всех остальных действующих лиц сценарию. Девушка одну за другой брала с полок открытые бутылки, наполняла два бокала на зеленых ножках – передо мной и перед Егором – и торжественно провозглашала: «Pinot Blanc», «Riesling», «Gewurztraminer», «Sylvaner», «Muscato»... Мы задумчиво принимали, болтали вино в бокале, чокались, медленно выпивали. Где-то на этапе «Sylvaner» я обнаружила, что вкуса больше не различаю. Да и вообще не различаю ничего, кроме ровного и приятного шума в голове. Додегустировалась! Опасаясь за остатки своей репутации, я сообщила, что нам достаточно. Мы уже выбрали. И попросила девушку упаковать две бутылки «Гевурцтраминера» и две «Муската», даже не взглянув на цену. Как выяснилось на кассе, цена оказалась просто-таки смешной. За четыре бутылки, сложенные в красивую картонную коробку, я отдала всего двадцать пять евро. Копейки! В Москве каждая такая бутылочка стоила бы как минимум пятьдесят. И во мне проснулся неумемный охотничий азарт.

Я чуть не забыла, что мы едем в Баден-Баден, протащив Егора еще через две деревни с винными погребами. В каждой мы что-то пили, я что-то покупала, а мой верный джинн – «слушаю и повинуюсь» – таскал тяжелые коробки в багажник. Чего я до сих пор так и не пойму – так это где была моя голова и почему я ни разу не подумала о том, что не утащу всю эту тяжесть в Москву. Ну, максимум три-четыре бутылки. А остальное-то куда девать? Кстати, названий деревень, по мере покидания которых в мозгу все усиливался ровный гул, я тоже не помню.

В конце концов Егор взял ситуацию под контроль и сообщил, что если мы не свернем наконец с заколдованной винной дороги, не видать нам сегодня термальных источников как своих ушей. В Каракалу – известные баденские купальни – нужно прибыть как минимум за три часа до закрытия. А иначе никакого смысла приходить туда уже нет. Я прослушала все эти доводы и смирилась – к тому времени ноги меня уже все равно не держали, и приходилось прилагать неимоверные усилия для того, чтобы играть относительную трезвость. Посему я с облегчением свернулась клубочком на заднем сиденье автомобиля и своевременно решила заснуть.

Глава 4

Когда мы въехали в Баден, было уже темно. Егор высадил меня и мою сумку с купальными принадлежностями у входа в Каракалу, а сам поехал ставить машину на подземную стоянку. Я прошла сквозь стеклянную вертушку в просторный холл, пахнувший бассейном. Заплатила за три часа, взяла пластиковую входную карту и поднялась вверх по широкой лестнице. Система была такая: с помощью карты проходишь через турникет, потом идешь в любую свободную кабинку, закрываешься там, снимаешь с себя все, надеваешь купальник. Выходишь из кабинки уже с противоположной стороны – там стоят железные ящики для одежды. Складываешь вещи в любой открытый ящик, вставляешь карту изнутри, получаешь возможность закрыть шкафчик на ключ, приделанный к мягкому пластиковому браслету. И идешь, захватив с собой только полотенце, в душ, а потом в бассейны с минеральной водой. Все это я успела изучить, исподтишка наблюдая за другими посетителями. Таких новичков, как я, здесь явно было немного – кажется, немцы и французы из окрестных городов старательно ездили сюда чуть ли не каждые выходные.

Бассейнов было несколько: огромный в центре зала, два небольших – слева и еще два на улице. Я кинула полотенце на ближайшее свободное пластиковое кресло и зашла в воду.

Вино еще не выветрилось до конца ни из головы, ни из всего охваченного негой тела. И алкогольное тепло, согревавшее изнутри, слилось с теплом минеральной воды. Себя я уже не ощущала – только охвативший все существо восторг. Я проплыла по периметру бассейна, аккуратно избегая столкновений с остальными отдыхающими – по большей части толстыми, плотоядно улыбающимися немцами. Потом выбралась из воды на противоположном конце бассейна по узкой железной лестнке, ощущая на своей спине и голых ягодицах – черт бы побрал этот не в меру откровенный купальник – заинтересованные взгляды, и постаралась как можно быстрее снова окунуться в воду. Разведя ладонями полиэтиленовые занавески, я вошла в бассейн, расположившийся на улице. Посреди довольно большого пространства воды в огороженной «ванночке» бурлили безудержные пузыри, то и дело накрывая с головой влюбленную пару, которая в состоянии, близком к экстазу, целовалась внутри этого оазиса блаженства. Я с трудом пробралась в ту же «ванночку» – бурлящие потоки все время норовили вытолкнуть меня наружу – и зацепилась за специальные поручни под водой. Было так хорошо в этом гигантском джакузи, что я прикрыла глаза и разве что не замурлыкала от удовольствия: над головой в зеленых ветвях пели птички, все тело, каждый его миллиметр, старательно ласкали нежные пузырьки. Но не прошло и минуты, как к пузырькам присоединилась чья-то осторожная рука. Я вздрогнула, и, открыв глаза, испуганно огляделась.

Всего в полуметре от меня барахтался молодой черноволосый парень – то ли итальянец, то ли грек – поди их разбери. Глаза юноши были прикрыты, а тело погружено в воду по самый подбородок. Наглец делал вид, что наслаждается водными процедурами, а все остальное нимало его не интересует. Я недовольно фыркнула и отодвинулась. Однако не прошло и секунды, как настырная рука вновь меня настигла. Я подумала было, что пора вылезать из этой гиперсексуальной купели, пока не поздно, но что-то – скорее всего, еще гулявшее в венах вино – меня остановило. Рука прикасалась нежно, даже, если так можно выразиться, деликатно – не стремилась пробраться к груди или залезть между ног: поглаживала, чуть прикасаясь, бедра и талию. «Ну и хрен с ними, с приличиями, – подумалось мне, – никто ж не видит!» Я прикрыла глаза и постаралась расслабиться. Струйки воды, бьющие из стены на уровне талии, обворожительные пузырьки заодно с чьей-то ласковой ладонью делали свое дело: я теряла разум и контроль над собой. Чуть приподнявшись, высунулась из воды по плечи и добилась того, чтобы один из самых жестких подводных потоков попадал между ног.

– Маргарита Семеновна!

Я вздрогнула от испуга и чуть не ушла с головой под воду: слова прозвучали у самого уха. Поглаживания тут же прекратились, струя воды, как и положено, переместилась к талии. Я посмотрела в сторону своего то ли итальянца, то ли грека – он улыбнулся загадочно и отодвинулся – и только по-

сле этого обернулась на голос.

– Да? – кивнула я разочарованно голове Егора, которая торчала теперь из бурлящей воды справа от меня.

– Вам здесь нравится? – спросил он, поблескивая в полутьме обнаженными в улыбке зубами.

– Вполне, – я окончательно сникла. Не добравшийся до желанного финиша организм впал в состояние, близкое к торможению. – Вода теплая.

– Она еще и полезная! – радостно сообщил Егор. – Знаете, какой шелковой кожа потом становится?

Да-а-а. Какие, оказывается, глупости интересуют современных мальчиков.

Что ответить на это своему подчиненному, я не знала. Да и сложно было изображать из себя строгую тетку, когда за секунду до того тебя чуть не отправили в открытый космос блаженства. А он пришел и все испортил. Что-то, кстати, не припомню я, чтобы мы договаривались вместе купаться. Черт! Нужно было заранее прямым текстом объяснить, что не собираюсь я принимать одну с ним ванну – пусть даже и размером с бассейн, – и попросить где-нибудь меня подождать. Теперь вот влипла из-за собственной безответственности в идиотскую ситуацию! К тому же не в первый раз за день – ничему меня жизнь не учит. Да как я перед ним из воды-то выходить буду – нет ведь ничего на мне, кроме пары фривольных тряпочек?! Бл-л-лин! Начальница!

– А не хотите в сауну сходить? – подлил масла в огонь

Егор. – Только полотенце надо взять.

– Егор, – я уже разве что не скрипела от злости зубами, – вы идите. А мне и здесь хорошо. Было. Я останусь.

– Ну, смотрите, – Егор пожал плечами и начал пробираться к выходу из джакузи, – только имейте в виду, больше двадцати минут подряд сидеть в минеральной воде нельзя!

– Я учту. – И откуда ты только на мою голову свалился такой умный?!

Все удовольствие от джакузи он мне своим предостережением окончательно испортил. А вдруг и в самом деле кожа начнет шелушиться, или еще какая-нибудь хрень произойдет. Не могу же я прийти после отпуска в офис облезлая, как кошка. Вот черт! Я провожала взглядом Егора – решила дождаться, когда он вылезет из воды, и незаметно последовать за ним. Главное только, опять в этих самых саунах где-нибудь на него не нарваться. Егор приближался к выходу. Сначала над поверхностью бассейна появились широкие плечи, одно из которых было украшено замысловатым рисунком, – я даже удивилась тому, как гармонично смотрится татуировка на его загорелой коже, – потом вынырнула ровная, блестящая от капель спина и наконец – обтянутые темно-синими плавками-шортиками ягодицы. Мне бы, конечно, самое время отвернуться, не смотреть, но словно бес попутал: я не могла оторвать взгляда от его обворожительной пятой точки, вслед за которой показались из воды мускулистые стройные ноги. Вот черт! Ну, дурища – кто же таких Аполлонов

на работу берет?! Такому типу самое место в заведении у Насти: не мозговую деятельность демонстрировать, а исправную работоспособность остальных частей тела. Как замороженная, я поплыла к выходу из уличного бассейна. Перед тем как войти в помещение, я заставила себя на пять секунд – больше не выдержала – закрыть глаза и постоять спокойно. Помогло: когда я раздвинула занавеску и заглянула в зал, Егора уже нигде не было видно.

В сауны, на второй этаж, вела довольно узкая винтовая лестница, расположенная у входа в бассейны, рядом с душевыми комнатами. Я отыскала на пластиковых стульях свое полотенце и, завернувшись в него, пошла наверх. По дороге мне то и дело попадались раскрасневшиеся толстые немцы. Все, как один, выходцы из саун нагло ухмылялись. Я сочла за благо не обращать на их гримасы никакого внимания и продолжала подниматься наверх. А зря. Только войдя в просторное помещение, из которого во все стороны расходилось множество дверей, я поняла тайный смысл плотоядных улыбок – большинство посетителей саун были абсолютно голыми! И лишь самых скромных прикрывали полотенца. У входной двери двумя стенами возвышались стеклянные полочки, на которых необходимо было оставить плавки или купальник, а дальше – заворачивайся в полотенце и вперед. Однако большая часть мужчин даже и не утруждала себя какими-то там обертываниями: представители сильного пола гордо дефилировали от двери к двери со своими свесивши-

мися чуть набок или, наоборот, заинтересованно смотрящими в потолок естествами.

Перед входом в сауны с влажным воздухом висели ряды полотенец, разнополюые посетители преспокойно обнажались и заходили внутрь; перед саунами с сухим воздухом стояли лишь тапочки – туда заходили со своим полотенцем, видимо, чтобы постелить его под себя на полку. Умом я уже поняла, что пора бы мне развернуться и выйти, но почему-то продолжала стоять, приклеившись взглядом к расслабленно перемещающимся туда-сюда мужским фигурам. Через минуту на меня начали косо поглядывать. Я развернулась на пятках и, как сомнамбула, плохо отдавая себе отчет в производимых действиях, прошлепала вниз. Теперь встречных взглядов я всеми силами старалась избегать.

«Уж лучше пусть с меня слезет кожа, – лениво думала я, болтаясь в бассейне над очередной массажной струей воды, – чем я еще раз полезу наверх». Так я и провела неизвестно сколько времени: перебираясь из одного минерального бассейна в другой и ругая бессовестных немцев. Жалко им, что ли, испортить свои купальные костюмы – почему обязательно нужно ходить при всех нагишом?

В какой-то момент мне надоело обо всем этом думать – я прикрыла глаза и погрузилась в полудрему. А потом почувствовала на своем плече чье-то, осторожное до дрожи, прикосновение. Моментально проснувшиеся мурашки побежали по всему телу. Я открыла глаза, рядом стоял Егор.

– Не спите, замерзнете, – усмехнулся он, посмотрев мне в глаза таким прямым взглядом, что стало не по себе.

– Я не сплю. – Ничего лучше не нашла, как оправдываться, идиотка! – Может, ехать пора?

– Маргарита Семеновна, – Егор рассмеялся весело и открыто (какой-то он совсем расслабленный стал после этих саун), – вот вы даже в отпуске отдыхать не умеете! Что значит пора – не пора: делать сейчас нужно только то, что хочется. Если надоело – едем.

– Да-а, – я и сама удивилась, как точно и запросто Егор подметил мой, казалось, вполне излеченный Страсбургом недостаток, – а вы, оказывается, разбираетесь в людях!

– Надеюсь, да, – польщенно согласился Егор.

– Чего ж тогда с «Гранд Домом» не договорились? – все-таки не выдержала я.

Егор среагировал единственно верным способом: отвечать не стал, но, кажется, и не обиделся. Только пожал чуть заметно плечами и переспросил:

– Так едем или остаемся?

– Едем, – выдохнула я, представляя, с какой неохотой буду вылезать из ласковой теплой воды.

В машине меня окончательно разморило, и всю дорогу до Страсбурга я смотрела малопонятные, зато до невозможного яркие эротические сны. Мне снились безликие женщины и мужчины в саунах Каракалы, которые по молчаливому взаимному согласию с упоением занимались друг с другом лю-

бовью. Я смотрела на них, изнутри уже пылая от возбуждения, и жалела о том, что никогда не смогу к ним запросто присоединиться. И мешает мне не снятый купальник, а стереотипные понятия о приличиях, да еще то, что я совсем не знаю, как это можно взять и отдаться на волю желаний: без того, чтобы кто-то из двоих за полученное удовольствие платил, без принуждения, без бесчисленных «дамокловых мечей». Сон уплыл в голубовато-сизой дымке банного пара, а я так и сидела до самого Страсбурга, откинувшись на спинку кресла и не открывая глаз. Мне не хотелось ни о чем говорить. Не хотелось видеть рядом по-мужски красивые руки и сосредоточенное – и оттого еще более притягательное – лицо Егора. Я уже серьезно боялась за себя: еще чуть-чуть, и я просто-напросто не смогу сдержаться.

Машина остановилась у «Софителя». Я открыла глаза.

– Приехали? – я сделала вид, что только проснулась, и поспешила выбраться из машины. Отчего-то дверца не поддавалась.

– Подождите, подождите. – Егор проворно вскочил с водительского сиденья и, обежав машину, распахнул дверцу. А потом подал мне руку.

– Спасибо, Егор. Сегодня был замечательный день, – я хотела сказать что-то еще, но вовремя остановилась. Для закрепившегося за мной делового имиджа стервозной тетki произнесенного и так было чересчур много.

– Спасибо вам! – ну вот, как и следовало ожидать, нача-

лись нудные расшаркивания.

– Спокойной ночи, – я поспешила прервать «официальный» диалог, тут же развернувшись и направившись к входу.

– Спокойной ночи, – услышала я в ответ. А потом неожиданно почувствовала, как Егор нагнал меня и удержал за локоть. Сердце екнуло, затрепетало между ребер, а по телу – от локтя – разбежались предательские мурашки. – Вы же вино в багажнике забыли!

– Черт! – не сдержалась я. Уж о чем, о чем, а о своих бутылках, накопленных в приступе вселенской жадности, я бы подумала в последнюю очередь!

– Не хотите забрать себе? – тут же поинтересовалась я в надежде, что Егор согласится, и тогда не придется сейчас тащить в отель всю эту тяжесть и выглядеть в глазах его работников и гостей законченной алкоголичкой.

– Нет-нет, ну что вы! – смутился Егор. – Отвезете в Москву.

– Только этого мне там и не хватало, – пробубнила я, нехотя направляясь к багажнику.

Неизвестно, куда на этот раз подевался всегда расторопный портье со своей пижонской тележкой для багажа, но видно его не было. Рядом с машиной на тротуаре выстроились три коробки – в каждой по четыре бутылки. Господи боже, ну о чем я думала?!

– Не беспокойтесь – я донесу, – утешил меня Егор.

– Ладно, разберемся, – согласилась я и взяла в руки од-

ну из коробок. Нести все коробки сразу Егор мог бы только в том случае, если б у него обнаружилось хоть какое-то подобие третьей руки. Эта глупая мысль на тему дополнительных конечностей неожиданно произвела веселящий эффект: я улыбнулась про себя и зашагала к входу. А что, собственно, расстраиваться из-за каких-то двенадцати бутылок? Сколько успею – выпью до отъезда. В конце концов, можно и Егора на бокальчик вина пригласить: все безопаснее беседовать спокойно о работе за бутылкой слабенького эльзасского «Токая» или «Гевурцтраминера», чем барахтаться в одном бассейне или шараться по саунам.

Егор догнал меня, когда я уже подходила к лифту.

– Я машину на «аварийку» поставил, – сообщил он мне, – здесь просто так нельзя долго стоять.

– Так вы лучше попросите отогнать ее на подземную стоянку, – внесла я рациональное предложение. – И вам спокойней, и людям не будет мешать.

Егор посмотрел на меня удивленно, но возражать не стал: поставил коробки возле лифта, вернулся к стойке ресепшн и отдал девушкам ключи от автомобиля.

– Ну, как? – поинтересовалась я.

– Все в порядке, – отозвался Егор. – Можем ехать.

Мы вошли в лифт со своей ношей, и я поскорее нажала кнопку – не хотелось, чтобы кто-то еще сейчас оказался с нами рядом и пересчитывал в уме количество бутылок в коробках. Я и сама уже поняла, что погорячилась! Впервые в

жизни повелась на грамотный рекламный ход: напоить посетителей вином бесплатно так, чтобы они купили его столько, сколько могут унести. Святой принцип французских «винных дорог». А поскольку все на машинах... От бедности виноделы и хозяева винных погребов в Эльзасе при таких условиях точно не умрут. Понятно, почему так непросто торговать во Франции водкой!

По коридору мы шли по-деловому и торопливо: мне хотелось поскорее задвинуть куда-нибудь чертовы коробки и забыть о них.

– Уф! – я запихала свою часть ноши под туалетный столик и, с облегчением вздохнув, села в кресло.

– Кажется, все, – то ли обрадованно, то ли разочарованно произнес Егор, размещая свои коробки рядом с моей. – Так я пойду?

– Куда, интересно? – не успела я оглянуться, как веселый бес, видимо выходявший погулять, снова в меня вернулся. – У вас что, семеро по лавкам?

– Да нет, – совершенно серьезно ответил мой милый подчиненный и чуть заметно покраснел.

– Тогда доставайте бутылку и открывайте, – распорядилась я.

– С удовольствием, – как всегда, на автомате сказал Егор заученную фразу и полез под стол. Вид сзади у моего подчиненного и в джинсах был вполне ничего.

Я мысленно обругала себя «похотливой теткой» и запре-

тила себе разглядывать чресла сотрудника. Хотя, похоже, эта задачка была выше моих скромных возможностей. Странно, но Егор даже не поинтересовался, какое именно вино доставать, – кажется, он физически чувствовал на себе непристойный взгляд и торопился принять любую другую, менее двусмысленную в этом отношении позу.

– Вот, – сообщил он, когда открытая бутылка «Сильванера» была поставлена на кофейный столик рядом со мной. – Теперь все?

– Не совсем, – желание погонять Егора, как мышонка, явно исходило от внутреннего беса.

– Что еще я должен сделать? – послушно спросил наивный «мышь».

– Ой, – я не выдержала и рассмеялась, представляя себе, в какой именно список мог вылиться весь набор моих требований, и весело махнула на Егора рукой, – да ничего вы не должны! Если есть желание – выпейте со мной. Надо же куда-то девать результат набегов на винные погреба.

– С удовольствием! – вот теперь он точно обрадовался. Слава богу! А то уж мне начало казаться, что я имею дело с хорошо обученным, но совсем бесчувственным пажом. Ну, или кем-то вроде.

Вино забулькало, наполняя гостиничные бокалы. Оно было прозрачным и с кислинкой даже на вид.

– А вы поужинать не хотите? – виновато спросил Егор. Судя по всему, он зверски проголодался после всех этих бас-

сейнов и сауна – даже у меня, несмотря на сытный обед в Рибовиле, давно сосало под ложечкой. – Можно куда-нибудь сходить.

– Ну уж нет, – запротестовала я, расстегивая и снимая осточертевшие босоножки, – походов с меня на сегодня хватит. Лучше закажем что-нибудь в номер. – И я протянула ему гостиничное меню.

Пока Егор изучал не слишком длинный список блюд и консультировался со мной по каждому пустяку, я с наслаждением вытянула босые ноги и почти разлеглась в своем кресле. Тело приятно ныло после долгих прогулок по средневековому замку и улочкам старинных эльзасских деревень, после подводных массажей от пяток до плеч и купания в минеральной воде. Телу было так хорошо, что и не передать. Его только чуть-чуть донимали жажда и голод, но именно их мы и собирались в ближайшее время устранить. И в этой небольшой отсрочке была своя, предвкушающая, прелесть. Было еще какое-то неясное вожеление – возбуждение само по себе, – но я предпочла пока на эту тему не думать.

– Выбрали? – спросила я.

– Да, – Егор подошел к телефону, поговорил несколько минут и весело сообщил: – Все, через двадцать минут принесут. А пока предлагаю выпить.

– Не возражаю! – радостно подхватила я. – За что будем пить?

– Как за что? – удивился он. – Разумеется, за отдых. И за то, чтобы вы научились получать удовольствие от жизни! Нельзя же быть таким трудоголиком.

– Смотрите, – рассмеялась я, – если научусь, мне расхочется работать. Буду все валить на своих подчиненных – на вас в том числе.

– Ну и валите! – с готовностью предложил Егор. Мы со звоном чокнулись и сделали по первому, жадному, глотку.

За первой бутылкой вина и разговорами о влиянии алкоголя на мозг человека – кто его знает, почему потянуло на эту тему, – время до того, как принесли ужин, пролетело незаметно. На этот раз обошлось без экзотики: улиток, паштетов, шокрутов и прочих эльзасских изысков. Обыкновенный салат из зелени, свиная отбивная и жареная картошка. Ну и, чтобы совсем уж не забывать о том, что отпуск у меня во Франции, – огромная тарелка со всевозможными сырами и горсточками винограда.

Кажется, такой голодной я не была лет с пяти – с наслаждением отправляя в рот кусок за куском, я никак не могла остановиться. Даже урчать хотелось от удовольствия. Егор тоже не отставал. Скорее всего, подумалось мне, Баден-Баден – это такое специальное заколдованное место, где снимаются все возможные приличия и запреты. Остается только огромное, дышащее полной грудью и сверкающее счастливым взглядом «ХОЧУ». Где-то на половине второй бутылки вина – на этот раз Егор долго копался в коробках, отыскивая

аналог предыдущей, а я едва сдерживалась, чтобы не дотянуться до его обтянутых джинсами крепких ягодич рукой, — я осознала, что безбожно пьяна. С чего это вдруг?! «Сильванер» не просто казался, а действительно был самым слабеньким из всех эльзасских вин.

Тарелки мы собрали на поднос и выставили за дверь. На журнальном столике остались только два бокала и ополовиненная бутылка. Слова у нас обоих — резко и внезапно — закончились сами собой. Теперь я боялась только одного: что Егор встанет, вежливо попрощается и уйдет. Но пока он продолжал сидеть — то ли тоже опьянел настолько, что потерял контроль над ситуацией, то ли давно все понял и принял решение плыть по течению, положиться на излюбленный русский принцип: «Будь, что будет». Неважно. Главное, Егор не уходил, и у меня появился шанс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.